

ление приверженцев этих взглядов найти им и эмпирическое подтверждение? Где, как не в стране скифов, моральные силы этого народа должны были воплотиться в силы политические и привести к образованию мощного государства. Когда Страбон в ходе своей работы приступил к описанию северных побережий Черного моря, соблазн использовать это описание для подтверждения своих теоретических воззрений, видимо, для него был очень велик. Однако облечь свое суждение об Атее в безоговорочную форму он все же не решился. Как жаль, что нынешние сторонники концепции скифской державы не последовали его примеру и не проявили большей осторожности в своих суждениях о времени возникновения и характере первого скифского государства.

Д. П. Каллистов

STRABO ON THE SCYTHIAN KING ATEAS

by D. P. Kallistov

The author analyses the passage in Strabo (VII, 3, 18) about the Scythian king Ateas. Not one of the other ancient writers says a word about this king ruling over the indigenous population of the North Black Sea coast. On the basis of archaeological and numismatic evidence it is impossible, in the author's opinion, either to confirm or to refute Strabo's assertion, which is therefore the sole testimony to the rise in the fourth century of a large Scythian state in the Black Sea area. It is worth noting that Strabo writes about Ateas with some uncertainty: *δοκεῖ* — «it seems». The relative poverty of his language and the compilatory character of his work make it possible to fix certain regularities in his use of words. In the first eight books of his «Geography» Strabo uses this or similar expressions of uncertainty nineteen times, including the passage about Ateas. Examination of all these instances inclines the author to the opinion that Strabo had no firm knowledge about Ateas and was in general rather poorly informed about the North Black Sea coast. Moreover his attitude to the Scythians has definite philosophical overtones of a tendentious character. The author concludes that Strabo's assertion about Ateas and his rule over the North Black Sea tribes is not to be relied upon; it is certainly too slight a foundation — and it is the only one there is — to support the broad conception of a big Scythian state on the North Black Sea coast in the fourth century B. C. The author believes that there is in fact no ground for this conception.

ПОНТИЙСКАЯ АНОНИМНАЯ МЕДЬ

(Хронология, классификация, характер чекана)

Крупные медные монеты нескольких типов, всегда имеющие на оборотной стороне восьмилучевую звезду, а на лицевой чаще всего изображение головы в кожаном шлеме или просто такого шлема, в литературе известны со времени Д. Сестини. Отсутствие на этих монетах названия города или имени правителя и необычный их тип делают весьма затруднительным определение места, времени и характера чекана монет. Но несомненно, и с этим кажется согласны все, — понтийская анонимная медь, как мы будем называть эти монеты, чеканена в позднеэллинистический период в одной из припонтийских областей.

Специально к понтийской меди обратился Ф. Имхоф-Блумер¹, который рассмат-

¹ F. Imhoof-Blumer, Griechische Münzen, München, 1890 (далее — Imhoof-Blumer, Gr. Münz.), стр. 40 сл.; он же, Zur Münzkunde des Pontos, von Paphlagonien, Tenedos, Aiolis und Lesbos, ZfN, 1897 (далее — Imhoof-Blumer, Münzkunde), стр. 254 сл.; он же, Die Kupferprägung des mithradatischen Reiches und andere Münzen des Pontos und Paphlagoniens, NZ, 1912 (далее — Imhoof-Blumer, Kupferpr.), стр. 81 сл.

ривал ее как чекан наместников понтийского царя Митридата VI (120—63 гг. до н. э.) на Боспоре или в Колхиде. Такое мнение при слабой изученности в то время монет Северного Причерноморья находило известную поддержку в некоторой общности типов этих и боспорских монет и в находке в Керчи трех анонимных монет², боспорское происхождение которых допускал издатель. Иного взгляда придерживалась составительница сводной работы об анонимной меди А. Болдуин³, причислявшая эти монеты к чекану Митридата VI в Понте. В своей классификации А. Болдуин к первым выпускам относит оболы с изображением головы в кожаном шлеме. Это автоматически определяет время чекана всей анонимной меди периодом правления Митридата VI, поскольку эти монеты находят себе очевидную аналогию среди оболов Амиса и Синопы⁴ первых митридатовских выпусков⁵. Но точка зрения А. Болдуин была несколько поколеблена П. Кольбом⁶, сумевшим показать ошибочность некоторых моментов ее классификации монет, которые, согласно П. Кольбу, чеканились предшественниками Митридата VI — Митридатом IV или даже Митридатом III.

Ни одна из этих точек зрения не стала общепризнанной. Так, составители корпуса монет Малой Азии в первом издании (1904 г.) соответствующего тома (Rec.) не включили анонимные монеты в число понтийских, а во втором издании (1925 г.) они трактуются неопределенно как понтийские или боспорские. Но вместе с тем точку зрения Ф. Имхоф-Блумера полностью разделяют Э. Миннс и Г. Клайнер⁷. С другой стороны, концепция А. Болдуин, принятая в датской серии SNG⁸, во многом нашла поддержку у А. Н. Зографа⁹.

Таким образом становится очевидно, что не все вопросы, связанные с анонимной медью, можно считать решенными. Как мы увидим ниже, ее изучение не может быть сведено только к простой атрибуции группы монет.

1. ВРЕМЯ ВЫПУСКА

Определение времени чекана анонимных монет на первом этапе может быть сведено к вопросу — чеканилась ли эта монета при Митридате VI, или в более ранний период.

Время Митридата VI. Отнесение понтийской анонимной меди к этому периоду в какой-то мере получает поддержку только в трех моментах. 1. Указанная общность типов (голова человека в шлеме) анонимных оболов и оболов Амиса и Синопы 120—111 гг. до н. э. 2. Общность номиналов анонимной меди и городской меди времен Митридата VI. 3. Существование боспорских медных анонимных оболов явно митридатовского времени¹⁰, во многом родственных понтийской анонимной меди. Это и явление параллелизма в чекане Понта и Боспора при Митридате VI позволило А. Н. Зографу (АМ, стр. 186), допустить, что обе группы монет одновременны и их выпуск носил общий характер. По А. Н. Зографу, и те и другие чеканились наместниками или «доверенными лицами» царя специально для оплаты военных расходов,

² Chr. G i e l, *Kleine Beiträge zur antiken Numismatik Südrusslands*, M., 1886, стр. 4 слл.

³ A. Baldwin, *Les monnaies de bronze dites incertaines du Pont ou du royaume de Mithridate Eupator*, RN, 1913 (далее — Baldwin), стр. 284 слл.

⁴ E. Babelon, Th. Reinach, *Recueil général des monnaies Grecques d'Asie Mineure*, I, 1. P., 1904 (2-e ed., 1925, далее — Rec.), табл. VII, 6; XVI, 14; Imhoof-B l u m e r., Gr. Münz., табл. III, 1; Kupferpr., табл. I, 9 — 13.

⁵ Imhoof-B l u m e r., Kupferpr., стр. 171 слл.

⁶ P. Kolb, *Monnaies de bronze incertaines du Pont. Remarques sur l'article de Mlle Baldwin à propos de la découverte d'une monnaie nouvelle*, RN, 1926 (далее — Kolb), стр. 23 слл.

⁷ E. H. Minns, *Scythians and Greeks*, Cambr., 1913, стр. 287; ср. также B. V. Head, *Historia Numorum*², L., 1911, стр. 502; G. Kleiner, *Pontische Reichsmünzen*, «Istanbuler Mitteilungen», 6, 1955 (далее — Kleiner), стр. 40.

⁸ SNG, Dan. Serie. vol. *Bosporus — Bithynia*, Copenhagen, 1944.

⁹ А. Н. Зограф, *Античные монеты*, МИА № 16 (1951) (далее — АМ), стр. 186.

¹⁰ АМ, стр. 186; Ю. С. Крушк о л., *Монеты с монограммами из Патрэйского клада 1950 г.*, ВДИ, 1952, № 3, стр. 137 слл.; К. В. Г о л е н к о, *О характере чекана боспорских анонимных оболов*, НСФ., 2, 1965, стр. 41 сл.

косвенным подтверждением чего может служить преобладание крупных номиналов и «военные типы» монет. Мы еще вернемся к боспорским монетам, но сейчас, в связи с мнением А. Н. Зографа, отметим два момента. 1. Нужно думать, что для оплаты военных расходов служила не медь с ее ограниченной сферой обращения и условным подчас курсом, а золото и серебро¹¹. Примечательно, что массовый выпуск царских тетрадрахм и статеров в Понте падает на вторую половину 90-х гг. до н. э., т. е. на время подготовки и ведения войн с Римом. Между тем, военные акции Митридата VI в Крыму в конце II в. до н. э. не привели к усилению чекана царских монет. Это не случайно — на рынках Северного Причерноморья понтийская царская монета не обращалась¹², там по-прежнему господствовало местное автономное серебро и ставшее традиционным золото лисимаховского типа (см. например АМ, стр. 184). 2. Боспорские анонимные оболы чеканились недолго (79—63 гг. до н. э.) и составляли органический элемент внутреннего денежного рынка Боспора (Голенко, ук. соч., стр. 41 сл.). Итак, в боспорских оболах анонимная понтийская медь не находит безусловной аналогии.

Возможность видеть у человека в шлеме на некоторых понтийских монетах портретные черты Митридата VI (напр., Kleiner, стр. 11) не кажется нам обнадеживающей. Наблюдения такого рода неизбежно субъективны и могут носить только вспомогательный характер. Так, например, А. Болдуин (стр. 301 сл.) на тех же монетах видит портреты семи (или восьми) лиц, хотя, на наш взгляд, здесь более уместно говорить об одном типе отвлеченного изображения человека, за которым едва ли стоит портрет какого-либо конкретного лица. Незначительные вариации этого изображения легко объяснимы многочисленностью штемпелей.

Домитридатовское время. Если понтийскую анонимную медь относить ко времени Митридата VI, то закономерно сопоставить ее с одновременной городской медью; как известно, царская медная монета в державе понтийского царя не чеканилась¹³. Несмотря на небывалый размах выпуска меди в городах, он был строго упорядочен. Монеты различных городов отличались только надписями и монограммами, типы и внешние особенности монет были едины. Следовательно, городской чекан этого времени был последовательным носителем общегосударственных черт монетного дела. Между тем, если даже не принимать во внимание тип анонимных монет, их сопоставление с городской медью обнаруживает решающие с нумизматической точки зрения несовпадения технических признаков чекана.

В е с. Несомненно, для анонимного и городского чекана принята одна система номиналов¹⁴ и общая весовая норма. Для этих монет наиболее характерен тетрахалк, обол встречается реже, а дихалк и халк эпизодически. Если проанализировать вес городских монет¹⁵, то можно отметить его постепенное падение, находящееся в зависимости от времени выпуска монет. При сопоставлении веса анонимных и городских

¹¹ Ср. А. Б е р т ь е-Д е л а г а р д, О монетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами, ЗООИД, 1911, стр. 127.

¹² Если не считать древней свинцовой подделки из Керчи (ЗРАО, VII, 1893, табл. XX, 75), известна только одна тетрадрахма Митридата VI, найденная на Боспоре (Древности Боспора Киммерийского, II, М., 1854, стр. 152). Вместе с тем, находки царского серебра и даже золота нередки в соседней Колхиде.

¹³ После работы А. Л. Б е р т ь е-Д е л а г а р д (ук. соч.) распространенное мнение о принадлежности некоторых боспорских медных монет царскому чекану Митридата VI потеряло под собой основание.

¹⁴ В отношении номиналов мы следуем Ф. Имхоф-Блумеру (Kupfergr., стр. 184; Gr. Münz., стр. 37 сл.) и отчасти А. Болдуин (стр. 311 сл.), которые, опираясь на аналогии в сирийском чекане, определяют монеты весом около 20 г. как обол, 8 г — тетрахалк, а 4 г — дихалк, 2 г — халк. Определение редких монет мелких номиналов затруднительно ввиду колебаний их индивидуальных весов. Но А. Болдуин (стр. 312), по-видимому, неточно называет некоторые анонимные дихалки халками, а халки гемихалками. К последним, на наш взгляд, можно отнести только одну монету (Прил. II, № 2).

¹⁵ Ср., например, материалы, приведенные в работах: Baldwin; Res.; m h o o f-B l u m e r, Kupfergr.

монет окажется, что вес первых ближе всего к весу наиболее ранних городских. Но средний вес анонимной меди несколько выше веса городских монет любой группы. Эти наблюдения над метрологическими данными не предполагают одновременности выпуска монет обеих категорий и допускают в то же время возможность более раннего выпуска анонимных монет.

Монетный кружок. Металл. Почти все известные нам анонимные монеты чеканены на очень толстых монетных кружках с плоской поверхностью обеих сторон ¹⁶, в то время как городским монетам присущ кружок обычной для позднелллинистических монет толщины и фактуры. Насколько мы знаем, все (или почти все) анонимные монеты чеканены из красной меди, но подавляющее большинство городской монеты чеканено из золотистой бронзы. Следовательно, наблюдения над металлом и особенностями монетных кружков не способствуют сближению монет обеих категорий.

Надчеканки. Многие (если не большинство) анонимные монеты снабжены надчеканками, не считая вариантов, восьми основных видов. На некоторых экземплярах встречается до трех контрамарок одновременно. Если исходить из предположения о митридатовском выпуске анонимных монет, то было бы естественно ожидать таких же надчеканок и на монетах городов Понта или Боспора ¹⁷, чего, однако, мы не видим. Следовательно, датировка анонимных монет временем Митридата VI влечет за собой и другое — явно искусственное — предположение об очень длительном одновременном существовании двух изолированных сфер обращения медной монеты в державе Митридата VI. Действительно, почти все города Понта, отчасти и Боспора, чеканили в то время свою монету, которая свободно обращалась в пределах всего государства Митридата VI ¹⁸. Таким образом, надчеканки косвенно указывают на домитридатовский период, как время выпуска анонимных монет.

Клады. Другим свидетельством в пользу сказанного может служить состав кладов медных монет эпохи Митридата VI. Три из них происходят с территории, принадлежавшей собственно Понтийскому царству ¹⁹, клады полностью не изданы, но известно, что они состояли только из городской меди. О пяти боспорских кладах мы располагаем достаточно полными сведениями ²⁰, здесь отметим только, что они разновременны, включают в себя наряду с местной медью и понтийские городские монеты, а два клада состоят в основном из боспорских анонимных оболлов. Но ни один из восьми кладов не содержит понтийской анонимной меди. Мы имеем дело с разновременными кладами, происходящими из двух различных районов Причерноморья. Пренебречь таким свидетельством трудно.

Монетные дворы. При рассмотрении интересующих нас монет должен стать вопрос и о монетном дворе (или дворах), где они чеканились. Если следовать, как наиболее развнутой, точке зрения А. Н. Зографа и видеть в анонимной меди экстраординарный выпуск, то она должна быть чеканена в Понте, Пафлагонии, Колхиде или Боспоре, но не в провинциях Малой Азии или Греции, где местное денежное

¹⁶ Наименее ярко выражены эти признаки у монет группы А, В нашей классификации и монет младших номиналов.

¹⁷ На монетах митридатовского выпуска очень редко встречаются надчеканки, но они не имеют ничего общего с контрамарками анонимной меди.

¹⁸ В денежном обращении Понтийского царства привозная медная монета не участвовала. Но в Северном Причерноморье вместе с местной монетой с конца II в. до н. э. и вплоть до гибели Митридата VI свободно обращалась медь понтийских городов. Ср. А. Н. Зограф, Находки понтийских монет митридатовского времени в Ольвии. «Ольвия», I, Киев, 1940, стр. 293 сл.; П. О. Карышковский, Денежное обращение Ольвии в конце II и в первой половине I в. до н. э., ИЭ, V, 1965, стр. 62 сл.; К. В. Голенко, Состав денежного обращения Херсонеса в I в. до н. э., ВДИ, 1964, № 4, стр. 50 сл.; он же, Монетная медь городов Понта и Пафлагонии времени Митридата VI в боспорских находках, ПС, вып. 11 (74), 1964, стр. 58 сл.; он же, Понтийская монета времени Митридата VI на Боспоре, «Кlio», 46, 1965, стр. 307 сл.; Д. В. Шелов, Материалы к истории денежного обращения в городах Боспора в VI—I вв. до н. э., ИЭ, V, стр. 42 сл.

¹⁹ S. P. Noe, A Bibliography of Greek Coin Hoards, NNM, № 78, 1937, № 41, 42 (городские Амастрии), № 906 (Амис — Самсун).

²⁰ См., например, Голенко, Монетная медь..., стр. 68 сл.

II. МЕСТО ЧЕКАНА

Как отмечалось, в этом вопросе до сих пор существуют две взаимоисключающие точки зрения. Согласно первой (например, Ф. Имхоф-Блумер, Г. Клайнер), анонимные монеты выпускались наместниками Митридата VI на Боспоре или в Колхиде. Вторая предполагает, что эти монеты чеканились при том же царе (например, А. Болдуин, А. Н. Зограф) или ранее (П. Кольб) в пределах Понтийского царства.

Находки. Для определения места чекана монет, тем более медных, имевших ограниченную сферу обращения, большое значение приобретает анализ их находок. Нам известно место находки только шести монет интересующей нас группы: четыре — Боспор²³, по одной — Филадельфия (совр. Амман) и Галикарнас (Миндос)²⁴. Находки в Пантикаее, казалось бы, предполагают боспорское происхождение монет, но на случайность этих монет для Северного Причерноморья²⁵ указывала еще А. Болдуин, которая ссылалась на мнение такого крупного нашего нумизмата, как А. Л. Бертье-Делагард²⁶. Действительно, систематические археологические исследования Керчи и ее окрестностей, проводящиеся уже на протяжении более столетия, дали громадный нумизматический материал, позволяющий составить отчетливое представление о денежном рынке Боспора. Находка там только четырех монет, принадлежащих к довольно распространенной группе, никоим образом не свидетельствует о местном их происхождении. Тем более, что речь идет о необычных по типу крупных монетах, которые безусловно должны были бы привлечь внимание находчиков и коллекционеров. Две другие находки в столь отдаленных от Боспора пунктах могут свидетельствовать скорее о малоазийском, чем о боспорском происхождении интересующих нас монет. Правда, предположение о выпуске анонимной меди в собственно Понте также не находит себе подтверждения в этих находках. Но этому нельзя придавать решающего значения; археологические исследования городов Понтийского царства начаты недавно²⁷ и найденные там монеты еще не изданы. Что касается случайных находок, то они представлены единичными экземплярами (Tourneur, ук. соч.) и упомянутыми ужекладами. Приведенные данные, таким образом, не позволяют окончательно решить вопрос о происхождении анонимной меди. Этот вопрос следует рассмотреть под иным углом зрения — чисто нумизматическим — с учетом особенностей денежного обращения каждого района, где был возможен выпуск анонимных монет.

Боспор. Никто из предполагавших боспорское происхождение понтийской анонимной меди не относил ее к домитридатовскому периоду. Действительно, трудно обнаружить какое-либо сходство этих монет и боспорских предмитридатовских эмиссий. Первые представлены в основном монетами крупных номиналов, лишенными надписей с именами правителей или городов; вторые почти не содержат в себе крупных медных монет²⁸, роль которых в обращении играло мелкое серебро; боспорские

²³ G i e l, ук. соч.; Л. Н. Белова, Монеты из раскопок Тиритаки, Мирмекия и Илурата в 1946—1953 гг., МИА, № 85, 1958, стр. 334, № 18.

²⁴ Филадельфия: V. Tourneur, Monnaies grecques d'Asie recueillies par M. Fr. Cumont, RBN, 1913, стр. 121, № 34; B a l d w i n, стр. 295, № 21; Миндос: W. R. P a t o n, Find of Coins near Halicarnassus, NC, 1890, стр. 281, № 17.

²⁵ Находки этих монет на Боспоре находят себе естественное объяснение в регулярных связях обеих областей и в домитридатовский период.

²⁶ Речь, безусловно, может идти только о нем: «un numismate fort érudit qui demeure dans la ville de Jalta en Crimée...» (B a l d w i n, стр. 287).

²⁷ О раскопках Синопского городища см. E. A k u r g a l, L. B u d d e, Vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen in Sinope, «Turk Tarih Kurumu Yayınları», V, № 14, Ankara, 1956.

²⁸ Для Боспора II в. до н. э. можно указать только два вида монетной меди, номинал которой был больше, чем халк, — тетрахалк и дихалк. В этой связи необходимо полностью игнорировать изданную нами в качестве пантикапейского дихалка монету (К. В. Г о л е н к о. Две монеты Пантикапея II в. до н. э., ВЭ, V, 1965, стр. 56 слл., табл. I, 2). Неполностью сохранившаяся надпись на ней и некоторые особенности типа привели к ошибочному определению — в действительности она является одной из разновидностей меди Амфиноля (ср. SNG, Dan. Serie, vol. Macedonia, part 1, Copenhagen, 1943, табл. 2, 59—60).

монеты выпускались городами, как исключение, и правителями (АМ, стр. 132 сл.). Что касается типологии монет обеих групп, то можно говорить об использовании общих или близких между собой сюжетов²⁹, но отнюдь не об общей трактовке изображений (что служило бы указанием на общее происхождение монет). Если предположить боспорское происхождение интересующих нас монет, то они могут быть отнесены только ко времени Митридата VI, как это сделал Ф. Имхоф-Блумер. За такую возможность говорит и преобладание крупной меди и необычный «наместнический» характер чекана самих монет. Но с таким взглядом согласиться невозможно, принимая во внимание наблюдения над хронологией монет, приведенные выше.

Колхида. Ф. Имхоф-Блумер допускал возможность и колхского происхождения анонимных монет. Действительно, Колхида была в числе тех припонтийских областей, которые вошли в состав державы Митридата VI³⁰. Но анализ монетных находок из Западной Грузии показывает практическое отсутствие в местной среде обращения медной монеты на протяжении всего античного периода. Более того, и в находках в районах греческих городов число медных монет домитридатовского периода очень невелико. Выпуск меди Диоскуриады при Митридате VI и находки медных монет понтийских городов этого периода³¹ не разрушают нашего представления об особенностях местного монетного рынка. Находки диоскурийских монет во внутренних районах страны неизвестны, но регулярно отмечаются при раскопках Херсонеса и боспорских городищ³². Что касается понтийской городской меди, обнаруженной за пределами приморской полосы (неизданные материалы из раскопок в сел. Вани), то, как мы попытаемся показать это в другой работе, она связана с обращением в среде царских гарнизонов крепостей, куда монета доставлялась из Понта. Итак, в условиях слабого развития товарно-денежных отношений в Колхиде и при наличии действующего монетного двора в Диоскуриде выпуск «наместнической» монеты в Колхиде представляется весьма маловероятным. Нелишне напомнить, что в Закавказье не найдено ни одной анонимной монеты, в то время как находки митридатевских монет городов Понта в Западной Грузии составляют около двух десятков экземпляров.

III. ПОНТИЙСКОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ АНОНИМНЫХ МОНЕТ

Если принять во внимание все изложенное, то возможен лишь один вывод — анонимная медь выпускалась в Понтийском царстве в период, предшествующий правлению там Митридата VI.

Несколько слов о классификации монет. Как отмечалось, общность понтийской анонимной и городской меди обнаруживается в их типологии. Анонимные оболы одной из групп имеют на лицевой стороне изображение мужской безбородой головы в кожаном шлеме влево, одновременные им тетрагалки — изображение горита³³. Вместе с тем оболы Амиса и Синопы (см. прим. 5), датируемые 120—111 гг. до н. э., имеют близкие изображения (голова в шлеме вправо на лицевой стороне и колчан на оборотной). Это предполагает хронологическую близость, хотя некоторые различия изображений³⁴ и не позволяют настаивать на полной одновременности их чекана. Таким об-

²⁹ Горит, лук, роза, головы сатиров и Пана. Эти совпадения, видимо, не следует принимать во внимание, поскольку изображения оружия весьма часты и для монет других центров, цветок розы в обоих случаях заимствован у Родоса, а голова Пана никогда не изображалась на боспорских монетах, как и головы сатиров на понтийских.

³⁰ По-видимому, в конце II в. до н. э., одновременно с Херсонесом и Боспором, ср. Г. А. Лордкипанидзе, Некоторые вопросы истории Колхиды II—I вв. до н. э., «Мадне», Тбилиси, 1965, № 2, стр. 117 сл.

³¹ См., например, К. В. Голенико, Денежное обращение Колхиды в римское время, Л., 1964, стр. 19 сл.

³² См., например, Д. Г. Капанадзе, К вопросу об экономических связях Северного и Восточного Причерноморья в античную эпоху по нумизматическим данным, ИИСП, стр. 147 сл.

³³ См., например, В а l d w i n, табл. VII, 1—12, VIII, 1—16; Прил. II, № 23—29.

³⁴ Разный поворот головы; на анонимных тетрагалках изображен горит без лука, на городских оболах — футляр с луком.

разом, время выпуска всей анонимной меди может быть выяснено в связи с относительной хронологией оболов с изображением головы в шлеме. Чтобы не загружать основное изложение детальным рассмотрением классификации понтийской анонимной меди, оно вынесено в Приложение I. Здесь мы отметим лишь то, что в отличие от мнения А. Болдуин, относившей оболы с изображением головы в шлеме к начальной эмиссии анонимной меди, мы полагаем, что эти монеты входят в заключительную ее группу. Если это так, то вся анонимная медь чеканена ранее городских оболов упомянутого типа или, иначе, она принадлежит домитридатовскому времени. Тогда становятся понятными и объяснимыми различия (технические особенности чеканки, надчеканки, состав кладов) и моменты общности (система номиналов, тип оболов) монет обеих категорий. Но подобный взгляд требует освещения ряда обстоятельств, связанных с выпуском анонимных монет.

Экономическая основа чекана. Вся многочисленная, многих типов и номиналов автономная медь, чеканенная почти во всех городах Понта и Пафлагонии, справедливо, на наш взгляд, отнесена Ф. Имхоф-Блумером к правлению Митридата VI (Kurferrg.) Если принять даже возражения оппонентов этого исследования и считать некоторые редкие городские монеты чеканенными в более раннее время, то общее впечатление о практическом отсутствии монетной меди в Понтийском царстве до Митридата остается неизменным, поскольку царь не чеканил там медной монеты. Этому не противоречит существование медных монет Фарнакии, очевидно, домитридатовского периода³⁵, не только ввиду их редкости, но и потому, что этот город не играл заметной роли в экономической жизни страны. В то же время местное серебро не содержало в себе достаточно мелких фракций, необходимых для нормальной жизни рынков крупных городов позднего эллинизма. Наименьшие домитридатовские царские монеты — драхмы, городские — гемидрахмы Амиса³⁶. Таким образом, мы сталкиваемся с поразительным явлением — отсутствием в домитридатовском Понтийском царстве мелкой разменной монеты, предназначенной для повседневных платежей. Но все недоумения отпадут, если принять нашу датировку анонимной меди. Становится понятной и сравнительная длительность чекана этих монет, преобладание среди них крупных номиналов и отсутствие городской меди.

Юридическая основа чекана. Совершенно очевидно, что для выяснения причин появления в Понте медных монет, лишенных указания на юридическую основу их чекана, необходимо, хотя бы вкратце, рассмотреть под определенным углом зрения те категории монет, которые были выпущены в Понтийском царстве до Митридата VI. Как почти во всех эллинистических царствах, в Понте местный чекан был представлен царской и городской монетой. Первая чеканилась из серебра, очень редко из золота, но никогда из меди. Многие царские тетрадрахмы выполнены на очень высоком техническом и художественном уровне — обстоятельство, свидетельствующее против массового их производства. Это и редкость царских монет заставляют думать, что они не играли заметной роли на рынках и их выпуск носил характер политического жеста. Рассматривая городские эмиссии, прежде всего следует отметить, что с переходом под власть царей Понта все города (в их числе и такие крупные, как Сино-

³⁵ Рес., стр. 99, № 1 (бюст Мена на полумесяце — восьмилучевая звезда), № 2—3 (голова Зевса — зебу); табл. XIV, 15—17. Фарнакия, основанная около 180 г. до н. э., была, по-видимому, городом-крепостью на восточной границе Понтийского царства. Чекан Фарнакии предполагает, очевидно, особое положение нового города по отношению к другим городам царства. Обращает на себя внимание один из монетных типов, всецело связанный с культом Мена, особо почитаемого в царской семье. Впрочем, типы монет Фарнакии в общем обычны, см., например, монету Антиохии-на-Меандре с изображением Мена и зебу, чеканенную, вероятно, после 168 г. до н. э. (B. V. Head, BMC, Caria and Islands, L., 1897, стр. 15, табл. III, 5).

³⁶ Справедливости ради следует отметить отсутствие мелкого серебра в чекане Амиса и до присоединения его к Понтийскому царству. Мы можем указать только на одну такую монету, правда, относящуюся, очевидно, ко II в. до н. э., — экземпляр собрания ОГММ весом 0,96 г.

па, Амастрия, Трапезунд), кроме Амиса, прерывают чекан вплоть до Митридата VI. Единственной реальной местной монетой остается серебро Амиса, следующее своему традиционному типу: голова нимфы города в башенной короне — сова, стоящая впрямь на выпуклом щите. Предполагая вернуться к хронологической классификации этих монет в отдельной работе, здесь мы остановимся только на одном, важном в данной связи моменте. Амисское серебро может быть разделено на две основные группы по роду надписей на нем. Для раннего обязательно обозначение имени города — Пирей, — которое принял Амис с формальной его колонизацией афинянами при Перikle (см., например, Strabo, XII, 3, 14); на более поздних монетах имя города отсутствует. Последняя особенность никак не может быть объяснена, например, простой случайностью (ввиду многочисленности монет) или какими-либо особенностями оформления штемпеля, поскольку монеты имеют на себе имена магистратов, часто развернутые полностью, или их монограммы. В условиях позднего эллинизма, когда чекан явился одной из основных прерогатив власти, отсутствие имени города на монетах не может быть истолковано иначе, как формальное лишение права чекана³⁷. Судя по явно позднему виду безымянных монет и родосской системе, по которой бито большинство их, это событие возможно относить ко времени подчинения города царям Понта, т. е. к первой половине III в. до н. э., но не ранее. Коль скоро речь идет о серебряных монетах, то, возможно, здесь более уместно говорить не о запрете городского чекана вообще, а только о запрете серебряного автономного чекана. Выпуск монеты из благородных металлов оставался прерогативой царя и при Митридате VI. Несмотря на предоставленные права чекана меди городам, анонимные эмиссии амисского серебра продолжались, очевидно, примерно до 90 г. до н. э.³⁸, т. е. до начала массовых выпусков царских тетрадрахм (наряду с автономной медью крупных номиналов), сведших на нет экономический смысл монет такого рода. Практическое отсутствие городской меди до Митридата VI и эмиссия анонимной меди, не связанной с автономным чеканом, позволяют более дифференцированно анализировать право чекана в Понтийском царстве. По-видимому, абсолютное право чекана принадлежало царю. Но оно применялось только к драгоценным металлам. Вполне естественно, что практическое применение таких архаических принципов в монетном деле государства с крупными торговыми центрами и в условиях позднего эллинизма не могло не привести к парадоксальным результатам. Полностью этим принципам следовали только очень редкие в домитридатовский период царские монеты. Роль основного платежного средства на внутреннем рынке городов Понта играло анонимное серебро Амиса. Фактическое сохранение городской монеты, чеканившейся по традиционному типу, было вынужденной мерой экономического порядка, вызванной популярностью амисских драхм на внутреннем и внешнем³⁹ рынках. Что касается мелкой разменной монеты, то она была представлена анонимной медью, которую нельзя считать ни царской, ни тем более городской монетой.

Столь противоречивая система внутреннего обращения в Понте представляется тем более парадоксальной, что в соседних государствах — Пафлагонии, Вифинии, Пергаме — выпускается как царская медь, так и городская монета. Но аналогичные или очень близкие явления можно обнаружить в монетном деле других областей и

³⁷ Исчезновение имени города с амисских серебряных монет принято объяснять (вслед за Т. Рейнаком) тем, что с установлением демократической формы правления при Александре город отказался от имени, данного ему афинянами (Пирей), и вернул к старому — Амис. С таким объяснением согласиться трудно: на монетах название города не заменяется другим, но не помещается вообще.

³⁸ Редкие драхмы Амиса с изображением Персея и Горгонейона (ср. F. Imhoof-Buge, *Monnaies Grecques*, P. — Lpz, 1883, стр. 226, № 2, табл. E, 15; *Rec.*, табл. VIII, 5), судя по типу, чеканились одновременно с медью 105—90 гг. до н. э. (ср. *Rec.*, табл. VIII, 1—4; Imhoof-Buge, *Kirfergr.*, табл. II, 3—6).

³⁹ Об этом свидетельствуют как подражания амисским драхмам (по-видимому, каппадокийского происхождения), так и находки драхм за пределами Понта (ср. К. В. Голенко, *Из истории монетного дела на Боспоре в I в. до н. э.*, ИЭ, II, 1960, стр. 32).

прежде всего Каппадокии⁴⁰. Нет необходимости подробно останавливаться на связях обоих государств. Строго говоря, территорию Понтийского царства, на первых порах не имевшего выхода к морю, первоначально составляла Северная Каппадокия, и географические условия делали Каппадокийское царство наиболее связанной с Понтом областью. Принимая во внимание, что оба царства были мало затронуты эллинизацией, а их правители возводили свой род к одним предкам, что традиция царского чекана в Каппадокии была более ранней, можно считать весьма вероятным влияние каппадокийского монетного дела на понтийское.

Не перечисляя общезвестных фактов, мы остановимся здесь на некоторых особенностях монетного дела в Каппадокии эллинистического периода, весьма важных в данной связи. Прежде всего, в Каппадокии, видимо, вообще не выпускалась городская монета, за одним исключением⁴¹. Право чекана осуществляли правители, хотя в отличие от Понта там выпускалась и медь. Сравнение каппадокийских монет обеих категорий обнаруживает весьма любопытную закономерность: монеты разных металлов разновременны, что уже предполагает решающее влияние на чекан не экономических, а иных факторов. Серебро — драхмы, реже тетрадрахмы, — по своему типу не выходит за рамки позднеэллинистических стандартов. Оно выпускалось исключительно от имени правителей, юридически независимых и обладающих всей полнотой царской власти. Медь же чеканилась только в III в. до н. э., когда Каппадокия находилась в вассальной зависимости от Селевкидов и ее правители были лишь «стратегами» страны. Эта медь⁴² неоднородна, большая ее часть выпускалась от имени правителей Тианы, Маримы, Анисы, которые исследователи рассматривают в качестве столь типичных для Малой Азии теократических центров⁴³. Независимо от того, чеканились ли все эти монеты правителями всей страны (ср. Simonetta, ук. соч., стр. 20 сл.), выступающими здесь как жрецы-правители упомянутых городов, или часть монет выпущена представителями местных жреческих династий, носивших те же имена, что и цари⁴⁴, важно другое. В период полной в юридическом отношении независимости в Каппадокии чеканилось только царское серебро, но не медь. И, наоборот, в момент зависимости выпускалась только медная монета, серебро отсутствовало⁴⁵. Правовую сторону этой и некоторых других особенностей чекана в Каппадокии и Понте можно понять благодаря осмыслению именно каппадокийской меди. Если типы оборотных сторон этих монет обнаруживают связь с местными культами или личностью правителя, то тип лицевой стороны един — изображение правителя в кожаном шлеме⁴⁶, почти всегда изображение погрудное, но в одном случае правитель верхом. Вспомнив, что, следуя персидской традиции, прекрасно иллюстрируемой сатрапскими

⁴⁰ О чекане царей Каппадокии см.: T. Reinach, *Essai sur la numismatique des rois de Cappadoce*, RN, 1886, стр. 301 сл.; W. Wroth, BMC, Galatia, Cappadocia, and Syria, L., 1899, стр. XXIV сл., 29 сл.; B. Simonetta, *Notes on the Coinage of the Cappadocian Kings*, NC, 1961, стр. 9 сл.

⁴¹ Медный чекан столицы царства Мазак, возникновение которого, судя по очень позднему облику монет, возможно связывать с понтийским влиянием во времена Митридата VI или уже римским влиянием.

⁴² О меди, кроме предыдущей ссылки, см.: J. Friedländer, *Satrapenmünzen*, ZfN, 1877, стр. 266 сл.; E. Newell, *Some Unpublished Coins of Eastern Dynasts*, NNM, № 30, 1926, стр. 15 сл.; K. Regling, *Dynastenmünzen von Tyana, Morima und Anisa in Kappadokien*, ZfN, 1932—1935 (Bd. 42, H. 1/2), стр. 1 сл.

⁴³ См., например, Regling, ук. соч.; А. Г. Периханиян, *Храмовые объединения Малой Азии и Армении*, М., 1959, стр. 54 сл.

⁴⁴ Помимо традиционных царских имен Арпарт и Арпарамна, известно имя, начинающееся на ΣΑΡΙ. Они даны без титула или (на монетах Тианы) с сокращением ΔΣ (δ[υναστ]α[ς]?).

⁴⁵ Царский титул был принят при Арпарате III (230?—220 гг. до н. э.). При нем был начат выпуск серебра (царь в диадеме), но медь продолжала еще чеканиться (царь в кожаном шлеме); ср. Simonetta, ук. соч., стр. 12, табл. II, 5—7.

⁴⁶ Определение этого головного убора как «тиара», «тиара каппадокийской формы», «мазакский головной убор», «жреческая тиара», употребляемое исследователями, в логическом отношении в какой-то мере, может быть, и верно, но неточно и дезориентирует в целом.

эмиссиями, портрет династа в кожаном шлеме всегда принадлежит сатрапу⁴⁷, медный каппадокийский чекан нужно рассматривать как сатрапский. Таким образом, мы сталкиваемся с возрождением принципов ахеменидского чекана. «Царю царей» принадлежало исключительное право выпуска золотой монеты, хотя он чеканил и серебро, сатрапам — только серебряной. Рассматривая под этим углом зрения каппадокийские эмиссии, мы видим буквальное следование этой традиции с той лишь разницей, что с практическим прекращением чекана золота при Селевкидах роль «царского металла» играет серебро, а «стратегы» чеканят только медь. Вполне естественно, что с получением диадемы и царской власти Арпарт III переходит к выпуску серебра, который без параллельного включения царской меди продолжался почти на протяжении всего периода формальной независимости Каппадокии.

Здесь не место говорить о стойкости ахеменидских традиций. Заметим только, что идея преемственности была выдвинута еще Александром, и Селевкиды были не только наследниками македонского царя, но считали себя преемниками Ахеменидов. Как и Селевкиды, многие малоазийские династии вели генеалогию от персидских царей или представителей их ближайшего окружения, что, однако, не оспаривало верховной власти потомков Селевка. В их числе назовем царские роды Каппадокии (ср. Diod., XXXI, 19, 1), Армении (ср. Strabo, XI, 14, 15), Понта (ср. Just., 38, 7, 1), Коммагены. По-видимому, только в Каппадокии и Понте традиции ахеменидского чекана были сохранены в их чистом виде. Но указанные примеры далеко не единичны и не изолированы. В монетном деле многих эллинистических династий мы можем обнаружить то или иное проявление этих традиций.

В первую очередь назовем примеры изображения династа в кожаном шлеме за пределами Каппадокии. Это — медные монеты Сама и Митридата I Каллиника (96—70 гг. до н. э.), царей Коммагены⁴⁸ и не известного нам по имени жреца-династа Иерополя-Кастабалы (Киликия)⁴⁹. В этой связи интересны и монеты царей Армении. Эмиссии царей династии Оронтидов, зависящих от Селевкидов, всегда медные; на царе головной убор, по конструкции близкий кожаному шлему⁵⁰. Что касается головного убора, впервые появившегося на монетах Тиграна II (95—55 гг. до н. э.)⁵¹, то исследователи (Тирация, Ахеменидские традиции) видят в нем комбинацию тигра и кожаного шлема. Отметим еще несколько моментов. Города в указанных областях вообще не чеканили монеты или чеканили ее редко. Ахеменидские традиции не были забыты и действительными наследниками персидских царей (эллинистические правители Персии⁵² на монетах всегда изображались в кожаном шлеме, как и первые Аршакиды⁵³ в период их зависимости от Селевкидов). Наконец, монопольное право Сасанидов на

⁴⁷ Все исследователи, касавшиеся этих монет, в той или иной мере разделяют данное положение; из последних работ — M. D a u e t, *Monnaies arsacides à bonnet satrapal*, RN, 1949, стр. 9 слл.; Г. А. Т и р а ц я н, Ахеменидские традиции в древней Армении, «XXV Международный конгресс востоковедов, Доклады делегации СССР», М., 1960, стр. 3 слл.

⁴⁸ E. B a b e l o n, *Catalogue des monnaies Grecques de la Bibliothèque Nationale. Les rois de Syrie, d'Arménie et de Commagène*, P., 1890, стр. 217, № 3, табл. XXX, 2; F. I m h o o f - B l u m e r, *Porträtköpfe auf antiken Münzen hellenischer und hellenisierter Völker*, Lpz., 1885, стр. 42, табл. VI, 9—10.

⁴⁹ I m h o o f - B l u m e r, *Monn. Gr.*, стр. 354, № 23, табл. H, 7. С утверждением автора, что на монете изображен каппадокийский царь, согласиться нельзя.

⁵⁰ Ср. B a b e l o n, *ук. соч.*, стр. 210 слл., № 1—7, табл. XXIX, 1—7; I m h o o f - B l u m e r, *Porträtköpfe*, табл. VI, 5—6.

⁵¹ Ср. B a b e l o n, *ук. соч.*, стр. 213 слл., № 8—24, табл. XXIX, 8—15; I m h o o f - B l u m e r, *Porträtköpfe*, табл. VI, 7—8 (8 — Артавазд). Помимо армянских царей, «тиграновский головной убор» употреблял только Антиох Коммагенский (70—34 гг. до н. э.) (ср. B a b e l o n, *ук. соч.*, табл. XXX, 5; *Porträtköpfe*, табл. VI, 11), состоявший в родстве с царями Армении (Г. Т и р а ц я н, Страна Коммагена и Армения, «Изв. АН Арм. ССР, общ. науки», № 3, 1956, стр. 69 слл.).

⁵² Ср. G. F. H i l l, BMC, *Arabia, etc.*, L., 1922, стр. 193 слл., табл. XXVIII, 6—12.

⁵³ Ср. W. W r o t h, BMC, *Parthia, L.*, 1903, стр. 1 слл., табл. I, 1—15; D a u e t, *ук. соч.*

чекан серебра при выпуске подвластными им правителями меди — не что иное, как проявление тех же ахеменидских традиций.

Возвращаясь вновь к основной теме — вопросу о понтийской анонимной меди, заметим, что его решение представляется более легким, если принимать во внимание приведенные наблюдения. Исходя из рассмотренных аналогий, можно, очевидно, сделать два предположения о принадлежности этих монет. Согласно первому, они чеканились в одном из храмовых центров Понтийского царства, жрецы-правители которого были достаточно влиятельны для того, чтобы выступать в качестве сатрапов, обладающих известной политической самостоятельностью. Согласно Страбону (XII, 3, 32), жрец главного храма Понта, находившегося в Комане Понтийской и посвященного женскому божеству Энпо-Ма, был правителем всей области и вторым, после царя, лицом в государстве⁵⁴. Но относить анонимные монеты к Комане, на наш взгляд, невозможно. Во-первых, торгово-экономическое значение Команы, чекан которой при Митридатe VI имел весьма скромный объем, делает ее маловероятным претендентом на роль центра, выпускавшего медную монету для всего государства. Во-вторых, на монетах отсутствуют какие-либо изображения, которые могли бы быть истолкованы как символы названной богини. На оборотной стороне всех анонимных монет помещена восьмилучевая звезда с двумя полумесяцами или луной. Первое сочетание (к нему мы еще вернемся) является эмблемой Мена Фарнакийского со святилищем в Америке. Это снимает вопрос о принадлежности монет Комане, где почиталось другое божество, но в то же время не приходится думать и об Америке. Последняя не была даже городом и никогда не чеканила монеты.

Наиболее вероятным остается второе — из возможных — предположение о выпуске монет светскими правителями — наместниками царя или, пользуясь эллинистической терминологией, стратегами. Не вдаваясь в вопросы о взаимоотношениях греческих городов и царя, а также о территориально-административном делении Понта, отметим лишь следующее. Хотя почти ничего не известно о политическом положении греческих городов в составе Понтийского царства, есть основания полагать, что их автономия была сведена к внутреннему самоуправлению. Во главе городов и отдельных областей стояли стратеги, которые, по-видимому, не являлись выборными магистратами, назначались царем и были подчинены ему непосредственно⁵⁵. Очевидно, выпуск медных анонимных монет находился в руках именно таких стратегов-наместников.

IV. ТИП МОНЕТ. МОНЕТНЫЙ ДВОР. ХРОНОЛОГИЯ

Т и п ⁵⁶. Рассмотрение типов анонимной меди мы начнем с аверсных изображений, которые могут быть сведены к трем основным сюжетам: кожаный шлем, горит, цветок розы. Первый тип наиболее часто встречается. Шлем изображался по-разному: впрямь, повернутым влево, надетым на голову человека, но этот сюжет един. По своему оформлению шлем на наших монетах типичен для эллинистических образцов (ср. Dayet,

⁵⁴ Как и в Каппадокии, ср. П е р и х а н я н, ук. соч., стр. 51 слл.

⁵⁵ Об этом позволяет думать неоднократно комментировавшаяся надпись 137 г. до н. э. в честь стратега Алкима из Абонутейха, впервые изданная Р. Х. Лепером (ИРАИК, VIII, 1902, стр. 153 слл.), переизданная Т. Рейнаком (A Stell from Abonut-teichos, NC, 1905, стр. 113 слл.); последний разбор этой надписи — М а к с и м о в а, стр. 197 слл.

⁵⁶ Мы обходим молчанием близкую разбираемой, но не аналогичную, группу очень редких монет с изображением головы коня и кометы (на обеих сторонах), ср. F. Imhoof-Blumer, Zur griechischen und römischen Münzkunde, RSN, 1908, стр. 170, № 17, табл. VI, 26; Kupfergr., стр. 185, № 82, табл. II, 32; нам осталась недоступной замечка того же автора (в «Neue Züricher Zeitung», № 49, 19 февраля 1910), посвященная этим монетам, относимым им к Боспору или Колхиде времени Митридата VI. Необычный тип этих монет (комета) заставляет вспомнить монеты эпохи Августа. Но это не должно мешать их сближению с понтийской анонимной медью; здесь воспроизводится (табл. II, 29) монета, на оборотной стороне которой помещена комета, но на лицевой — звезда с полумесяцем, т. е. символ, обычный для анонимной меди, с той лишь разницей, что звезда с шестью (но не восемью) лучами, а полумесяц один, но не два.

ук. соч.) и представлен двумя основными разновидностями (рис. 1). В обоих случаях шлем представляет собой закрытую мягкую шапку, длинные нащечники и назатыльник которой составляют единое целое, в то время как верхняя часть шлема защищена отдельно наложенной овальной пластиной. В одном случае к этой пластине под прямым углом прикреплен назатыльник (рис. 1, 1). В другом (только у оболов с изображением головы), пластина вытянута и задняя часть шлема плавно облегает затылок (рис. 1, 2). Судя по каппадокийским аналогиям оба варианта шлема практически одновременны. Но принимая во внимание коммагенские монеты Митридата I, анонимные монеты с изображением головы и близкие им оболы Амиса и Синопы, можно предполагать, что вторая разновидность шлема более поздняя. Как отмечалось, кожаный шлем служит отличительным признаком портрета «сатрапа» на монетах, будь то зависимый царь или наместник. Подобное объяснение приложимо и к анонимной

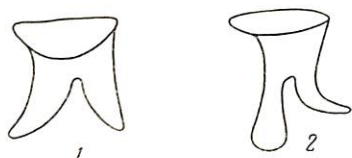

Рис. 1. Схематическое изображение кожаного шлема на анонимных монетах (1-й и 2-й варианты)

за ними данной должности. Это существенно отличает понтийских стратегов от других «сатрапов» эллинистического времени, которые чаще всего являлись представителями царских или жреческих династий.

Переходя ко второму аверсному типу анонимной меди — гориту, отметим, что монеты, на которых он помещен, представляют младший номинал (тетрахалки) только одного вида. Не пытаясь развивать мысль, согласно которой в памятниках пранского искусства (в том числе и монетного) лук был излюбленным атрибутом правителя-воина, едва ли мы ошибемся, предположив, что в данном конкретном случае горит (или лук), подобно шлему, служит отвлеченным символом сатрапа-стратега. Это положение можно обосновать материалом той же понтийской пумизматики. Как отмечалось, первая группа городской меди представлена ободами с изображениями головы сатрапа и лука в колчане. В то же время типы оборотных сторон более поздних городских монет являются атрибутами божеств, изображенных на аверсе⁵⁷, или, во всяком случае, типы на обеих сторонах монет сюжетно связаны между собой⁵⁸. Следовательно, если упомянутые оболы Амиса и Синопы подпадают под это правило, то их реверсный тип логически связан с аверсным, т. е. горит служит символом сатрапа⁶⁰.

Говоря о третьем типе лицевых сторон анонимной меди — цветке розы, сразу же отметим большую редкость монет такого рода, составляющих, как мы увидим ниже, первую хронологическую группу монет данного вида. Это изображение в отличие от первых двух сюжетов никак не может быть связано с идеей сатрапского чекана. Если с этой точки зрения появление розы на анонимных монетах не находит себе объясне-

⁵⁷ Как и непортретных голов в кожаном шлеме на анонимных и городских монетах.

⁵⁸ Исключение составляют только дихалки с изображением юношеской головы, в котором принято усматривать портрет молодого Митридата VI, и рога изобилия между звездоносными пилосами (ср. Rec., табл. IV, 7; XXVI, 10; Künferger, табл. I, 1—5).

⁵⁹ Например, иллюстрация мифа о родоначальнике персов — Персее: Афина — Персей, Персей — Пегас, горгонейон — Ника (как символ победы Персея).

⁶⁰ В этой связи нельзя обойти молчанием тип боспорских анонимных оболов времени Митридата VI: голова Диониса, по существу портрет царя в облике божества, — горит.

ния⁶¹, то использование именно этого типа для вводимой в обращение новой монеты понятно. Этот сюжет заимствован у монет Родоса⁶², для которых он обязателен. Громадное влияние Родоса в эллинистический период на черноморскую торговлю едва ли следует специально оговаривать, оно общезвестно.

На реверсе понтийских анонимных монет помещена восьмилучевая звезда, у ранних выпусков она сопровождается двумя полумесяцами, у поздних — луком с натянутой тетивой. Первое сочетание почти всеми исследователями согласно трактуется как «родовая эмблема Ахеменидов», «эмблема царей Понта» или «государственный герб Понта». Действительно, за редчайшими исключениями⁶³ эта эмблема составляет обязательный элемент типа оборотных сторон царских монет, она в качестве основного реверсного типа помещена на уникальных статерах с именем Митридата VI из собрания Аулока и на статере внучки понтийского царя — боспорской правительницы Динамии (17/16 г. до н. э.)⁶⁴. То, что звезда на меди сопровождается двумя полумесяцами, а на царских монетах — одним, не должно нас смущать. По-видимому, в таком же виде, как и на меди, звезда изображена на статере Митридата IV Филометора (159?—150 гг. до н. э.)⁶⁵ и в качестве царской эмблемы на афинских монетах «нового стиля»⁶⁶.

Что касается более конкретного осмысления звезды и полумесяца на понтийской почве, то этот символ едва ли возможно объяснить непосредственным следованием ахеменидским традициям. На наш взгляд, он должен рассматриваться как принадлежащий Мену Фарнакийскому (с храмом в Америке) — божеству, особо почитавшемуся в царской семье (Strabo, XII, 3, 31). Упомянутые атрибуты, как мы знаем, свойственны Мену⁶⁷, которого почитали во многих местах Малой Азии⁶⁸. Таким образом, звезду и полумесяц на понтийских монетах, вероятнее всего, следует рассматривать в качестве личной эмблемы правящего царя, но едва ли можно считать эмблемой представителей всей правящей династии⁶⁹ или тем более «государственным гербом Понта».

⁶¹ Здесь можно допустить, что монеты с изображением розы были ближе к городскому чекану, чем более поздняя анонимная медь.

⁶² Ср. BMC, Caria, табл. XXXVIII, 1—8; XXXIX, 1—17.

⁶³ Кроме золотых монет Митридата II (или III) (Rec., табл. 1, 1), строго следовавших типу александровских статеров и монет матери Митридата VI — Лаодики (там же, табл. I, 13, 14).

⁶⁴ С именем Митридата — см., например, Kleiner, стр. 11, табл. I, 6; SNG, v. Aulock, I, 1—3, В., 1957, табл. I, 5; Динамию, — например, А. В. Орешников, Каталог собрания древностей гр. А. С. Уварова, вып. VII, М., 1887, стр. 68, № 471, табл. II; AM, стр. 191, табл. XLIV, 14.

⁶⁵ Kleiner, стр. 14, табл. I, 12; SNG, v. Aulock, I, 1—3, табл. I, 4.

⁶⁶ Составительница корпуса афинских серебряных монет «нового стиля» (M. Thompson, The New Style Silver Coinage of Athens, ANS NS, № 10, 1964, стр. 335 слл., 404 слл.) отрицает принадлежность этих монет времени Митридата VI, с чем, однако, не согласны рецензенты (П. О. Карышковский, Рецензия на книгу М. Томпсон в ВДИ, 1963, № 1, стр. 143; подробная библиография вопроса).

⁶⁷ Не перечисляя все известные изображения Мена на монетах, отметим лишь медь Фарнакии (ср. Rec., табл. XIV, 15) и городов Боспора митридатовского времени (ср. AM, табл. XLIII, 13).

⁶⁸ См., например, Я. П. Смирнов, О фригийском боге Месяце, «Сб. в честь Ф. Ф. Соколова», СПб., 1895, стр. 130 слл.

⁶⁹ Звезда и полумесяц отсутствуют как на монетах царицы Лаодики, так и в самом ее чекане с Митридатом IV, хотя на единоличных выпусках последнего этот символ и представлен. Г. Клайнер (стр. 14), обративший на это внимание, не дал положительного решения вопроса, допустив, однако, возможность того, что изображение Геры и символ Мена не могли сочетаться в одном монетном типе. На наш взгляд, на основании тех же материалов можно прийти к более простому предположению — в отпадении культа Мена Фарнакийского женщины не могли принимать участия. Очевидно, после потери власти в Понте Ахеменидами этот символ утратил на боспорской почве свой первоначальный смысл и превратился в отвлекающую эмблему Ахеменидов, которая была помещена на статере царицы Динамии. Отсутствие этой эмблемы на золотых боспорских монетах Фарнака (сына Митридата VI и отца Динамии) следует рассматривать как отказ от узко династических традиций в связи с претензией Фарнака (о которой свидетельствуют надписи на его статерах) на общепанский титул βασιλεὺς παντός. В это время подобным титулом пользовались почти исключительно Аршакиды, но цари Понта, в их числе и Митридат VI, — никогда, хотя в позднейших

Как уже указывалось, на более поздней меди звезду сопровождают не полумесяцы, а лук. Это сочетание символов не находит себе аналогии в других видах понтийского чекана. Возможно, здесь мы видим сочетание двух самостоятельных эмблем, где лук служит символом сатрапа. В пользу такого мнения говорит, кажется, помещение вместе с луком и имени лица, ответственного за выпуск монеты. Поскольку имен несколько, лук не может рассматриваться в качестве индивидуальной эмблемы одного магистрата.

Резюмируя наблюдения над типологией анонимных монет, мы можем прийти к следующему заключению: монетные типы сочетают в себе символы царя и сатрапа, исключение составляет лишь начальная эмиссия, где символ сатрапа заменен нейтральным типом — цветком розы.

Монетный двор. К сожалению, мы не располагаем данными, которые позволили бы решить вопрос — на каком именно монетном дворе чеканилась анонимная медь. Если не считать Фарнакии, очевидно, единственным городом Понтийского царства, который обладал в домитридатовский период монетным двором, был Амис. Общие магистратские имена на царских монетах и амисских драхмах позволяют считать доказанным факт выпуска монет обоих видов на одном монетном дворе и под наблюдением одних и тех же чиновников (ср. Рес., стр. 44). В подобных условиях возможно было бы предположить, что и анонимная медь чеканилась в Амисе. Однако отсутствие убедительных совпадений имен на анонимной меди и амисском серебре ⁷⁰ (которое косвенно поддерживает мысль о принадлежности имен на медных монетах сатрапам ⁷¹), излишне усложняет это предположение ⁷², поскольку возникает необходимость допустить, что ответственность за выпуск монет из благородных металлов и меди несли различные лица ⁷³. Все это заставляет оставить открытым вопрос о монетном дворе, на котором чеканилась анонимная медь.

Хронология. Не менее проблематична и датировка анонимной меди. При достаточно определенной ее относительной хронологии, нет отправных точек для установления абсолютных дат. В этой связи возможна лишь самая приближенная датировка всех монет, основанная на соображениях общего порядка. Если предположить, что эмиссии анонимной меди были начаты с выходом Понтийского царства к морю, или, иными словами, с захватом приморских греческих городов (Амис, Амастрия), то это событие следует относить еще к первой половине III в. до н. э. Далее, отвергнув маловероятную возможность параллельного чекана анонимной и городской меди, прекращение выпуска первой должно относиться к периоду до 120 г. до н. э., когда, следуя Ф. Имхоф-Блумеру, появились медные монеты с именами городов. Таким образом, время чекана наших монет не должно выходить за пределы середины III в. — 30-х гг. II в. до н. э.

У. ПРЕКРАЩЕНИЕ ВЫПУСКА ПОНТИЙСКОЙ АНОНИМНОЙ МЕДИ; СВЯЗЬ ЭТИХ МОНЕТ С ГОРОДСКИМИ ЭМИССИЯМИ МИТРИДАТОВСКОГО ПЕРИОДА

Прекращение чекана анонимной меди, вызвано, несомненно, массовыми выпусками медных монет в городах Понтийского царства. Вся городская медь, следуя Ф. Им-

боспорских надписях он присваивался не только этому царю (КБН, 979), но и Асандру (КБН, 30), который не был (и, по-видимому, не претендовал на это) Ахеменидом. О золоте Фарнака и Асандра подготавливаются отдельные работы.

⁷⁰ Совпадения имен АРТЕ, АФРО, НГНΣΑ, ΠΥΘΕ на анонимной меди (Прил. II, № 21, 26, 14, 8) и заведомо более раннем амисском серебре (Рес., стр. 45—47) явлено случайно.

⁷¹ Это предложение тем более проблематично, что на отдельных монетах одновременно встречаются сокращенные имена и монограммы имен. Это позволяет допустить, что в некоторых случаях выпуск анонимной меди контролировался двумя лицами.

⁷² Преобладание среди них чисто греческих имен не должно нас смущать — большинство представителей царской администрации были выходцами из греческих городов.

⁷³ Хотя в чекане времени Митридата VI на царских монетах и городской меди действительно не встречаются бесспорно одинаковые сокращения имен лиц, ответственных за изготовление монеты.

хоф-Блумеру, принадлежит длительному периоду правления Митридата VI. Относительная хронология всей этой многочисленной меди в целом представляется хорошо установленной. Что касается абсолютных дат, которыми оперирует Ф. Имхоф-Блумер, то применительно к монетам групп III (111—105 гг. до н. э.) — VII (80—70 гг. до н. э.) они не вызывают сомнения⁷⁴, с той лишь оговоркой, что нельзя настаивать на столь точных датах. Первые три группы медных монет⁷⁵ датируются Ф. Имхоф-Блумером 120—111 гг. до н. э., иначе говоря, первые выпуски городской меди приурочиваются им к началу правления Митридата VI. Здесь, очевидно, мы сталкиваемся с известной натяжкой. Переход к практически повсеместному городскому чекану в Понтийском царстве, был, безусловно, строго продуманной политической и экономической акцией и трудно поверить, чтобы она могла быть предпринята молодым царем в первые же годы правления, когда он еще не был в полной мере самостоятельным. Поэтому можно допустить, что часть меди I—II групп начала чеканиться еще при Лаодике или же несколько позже 120 г. до н. э.

Восстановление городского чекана в Понтийском царстве было крупнейшим внутринеополитическим событием и должно было свидетельствовать о расширении прав греческих городов. Оно, очевидно, связано с показной филэллинской политикой, нашедшей свое ярчайшее проявление во время войн с Римом. Но не приходится сомневаться и в том, что предоставление городам права чекана носило характер политического жеста и не всегда имело под собой экономическую основу — потребность данного города в монете. Несомненно, огромные по своему объему медные эмиссии Ампса и Синопы, обслуживавшие рынки не только Понта, но и Северного Причерноморья, вполне могли удовлетворить потребность всей страны в монете. Выпуски некоторых мелких городов (таких, как Комана, Дия, Лаодикея) носили явно декларативный характер. Но в то же время восстановление городского чекана было общегосударственным мероприятием, организационно продуманным и исключавшим проявление какой-либо инициативы со стороны самих городов, права которых в этой области были строго регламентированы и по существу очень невелики.

Если не акцентировать более внимания на предоставлении права чекана городам, то можно прийти к заключению, что именно в правовой сфере чекана городская медь несет на себе многие черты ограничений — обстоятельство, роднящее ее с анонимными монетами. Прежде всего, городской чекан не затронул права царя на монопольный выпуск монеты из драгоценных металлов. Далее, строгое единообразие типов и номиналов медных монет столь большого числа городов — явление беспрецедентное для всего позднелленистического монетного дела. Если добавить к этому, что типы монет не содержат чисто местных, городских сюжетов и что монетные типы, особенно после 90 г. до н. э., всецело отражают официальную генеалогию понтийских Ахеменидов или филэллинскую политику Митридата VI, то сами медные монеты следует относить к общегосударственным эмиссиям, но не к городскому чекану как таковому. То обстоятельство, что на монетах разных городов Понта и Боспора встречаются общие монограммы⁷⁶, позволяет заподозрить, что они не принадлежали свободно избранным городским магистратам, а были сокращением имен лиц, назначенных царем. В этой связи нельзя не вспомнить тип первых городских оболлов: голова в кожаном шлеме — лук в футляре, имя города. Возможно, первоначально городские монеты даже в формальном отношении не представляли собой полных выпусков, а были чеканом сатрапа в данном городе.

Если принять все сказанное, то окажется, что различия между анонимной медью и более поздними городскими монетами не столь велики, как это могло бы показаться

⁷⁴ За это говорит анализ понтийской меди, найденной в Северном Причерноморье, литература приведена выше, в прим. 18.

⁷⁵ По-видимому, невозможно установить, чеканились ли монеты этих трех групп одновременно, или они составляют отдельные последовательные эмиссии.

⁷⁶ Этот факт впервые был отмечен, кажется, А. М. Подшиваловым (Московский Публичный и Румянцевский музеи. Каталог монет, вып. 1, М., 1884, стр. 30). Сложное и редкое написание монограмм исключает здесь простое совпадение.

с первого взгляда. Более того, можно констатировать применение традиционных понтийских принципов чекана и при Митридате VI, но не в собственно Понте, а в городах Северного Причерноморья. Так, драхмы Херсонеса, представляющие заключительную серебряную эмиссию этого города и датируемые 90—80 гг. до н. э., лишены названия города, но на них помещено полностью развернутое имя магистрата⁷⁷. Иными словами, они находят себе полную аналогию в амисском серебре, которое, кстати, обращалось в Северном Причерноморье (во всяком случае на Боспоре) не только при Митридате VI, но, очевидно, и ранее⁷⁸. Далее, на Боспоре после 79 г. до н. э. выпускается только один вид монеты — анонимные оболы, которые нужно рассматривать как возрожденный в силу чисто политических причин⁷⁹ понтийский анонимный чекан. На лицевой стороне этих монет помещена голова Диониса — всем понятная персонификация понтийского царя, который официально считался воплощением этого божества; на оборотной стороне — горит. Не будет большой натяжкой сказать, что тип боспорских оболов в несколько отличном конкретном выражении представляет собой сочетание тех же символов, что и на понтийской анонимной меди — царя и сатрапа. На монетах обеих групп полностью отсутствует указание на место их чеканки⁸⁰.

Таким образом, традиционно понтийская концепция права чекана продолжала существовать на протяжении всего правления династии понтийских Ахеменидов. Выпуск городских монет в Понте при Митридатe VI не может служить свидетельством полного отхода от этой концепции, поскольку в Понте золото и серебро⁸¹ по-прежнему выпускалось только от имени царя, а медные эмиссии городов всецело находились под общегосударственным контролем.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

К ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ПОНТИЙСКОЙ АНОНИМНОЙ МЕДИ

Все анонимные монеты по своему аверсному типу могут быть разбиты на четыре основные группы, которые А. Болдуин перечисляет в следующем порядке: I—голова человека в кожаном племе; II—лук в горите; III—кожаный шлем; IV—цветок розы. Рассматривая монеты группы II как меньший номинал по отношению к ободам группы I, А. Болдуин делит, таким образом, всю анонимную медь на три основные категории; детальная классификация монет внутри групп основана на наличии или отсутствии надчеканок и в меньшей степени имен или их монограмм. П. Кольб, публикуя несколько анонимных монет, отмечает некоторые неточности А. Болдуина, но по существу принимает ее классификацию. Оставляя в стороне монеты с изображением розы, он разделяет анонимную медь на два основных класса: ранний (группы I—II) и поздний (группа III).

Переходя к классификации монет, сразу же отметим несостоятельность принятой А. Болдуин их группировки, которая зиждется на ложных предпосылках. Во-первых, А. Болдуин не пытается обосновать отнесение оболов с изображением головы в племе

⁷⁷ К. В. Голенко, Херсонесские драхмы с именем магистрата Деметрия, «Сообщения ГМИИ», II, 1964, стр. 45 слл.

⁷⁸ О н же, Несколько серебряных монет Пантикапея II в. до н. э. со следами перечеканки, ИЭ, VII, 1968, стр. 38 слл.

⁷⁹ О н же, О характере чекана боспорских анонимных оболов, НСФ, 2, 1965, стр. 41 слл.

⁸⁰ Известной параллелью боспорским ободам могут служить ольвийские медные монеты с изображением Аполлона и лиры (Б у р а ч к о в, табл. V, 85, 98), которые лишены каких-либо надписей. То обстоятельство, что эти монеты перечеканивались из понтийских тетрахапков в 80—70-х гг. до н. э., позволило относить их к самому концу правления Митридата VI; ср. А. В. О р е ш н и к о в. Этюды по нумизматике Черноморского побережья, ИГАИМК, т. I, 1921, стр. 238 слл.; К а р ы ш к о в с к и й, Денежное обращение...

⁸¹ В Северном Причерноморье и в первую очередь в городах Боспора был сохрaнен местный серебряный чекан, который, однако, прекратили после 79 г. до н. э. с выпуском боспорских анонимных оболов.

к первой, наиболее ранней группе. Во-вторых, она исходит из парадоксального представления об одновременности чеканки монет и наложения на них контрамарок, служивших, по ее мнению, «знаком монетного двора». Против этого утверждения протестовал П. Кольб⁸². Все это побуждает нас пересмотреть хронологическую классификацию анонимной меди.

Полагая, что существует несколько способов установить последовательность выпусков этих монет, мы остановимся здесь только на одном, самом убедительном и исчерпывающем. Реверсный тип всех монет един — восьмилучевая звезда, но у одних монет (голова в шлеме, горит, некоторые с отдельно изображенным шлемом) она сопровождается луком, у других (роза, частью с шлемом) — двумя полумесяцами, у третьих (только у некоторых со шлемом) — обоими символами. Таким образом, эти добавочные изображения, являясь постоянным и обязательным элементом типа, позволяют найти отправную точку для формальной классификации анонимной меди. Исходя из этого, монеты с изображением одного шлема в любом случае составляют «среднюю» хронологическую группу, поскольку звезда на некоторых из них сопровождается обоими упомянутыми символами, в то время как относительная хронология остальных сводится к ответу на вопрос, какое из добавочных изображений — лук или полумесяцы появилось раньше.

Ниже издаются три однотипные монеты (Прил. II, № 4—6), — шлем, звезда и полумесяцы с одинаковыми надчеканками: лук, под тетивой СΤΕΦΑ (на одной монете на обеих сторонах, на двух — только на лицевой). А. Болдуин опубликовала монету такого же типа, но на ней лук и надпись составляют уже элементы основного типа (Baldwin, № 37), на оборотной стороне полумесяцы отсутствуют. Совершенно очевидно, что имя СΤΕΦΑ принадлежит одному лицу и надчеканки с этим именем наложены на ранние монеты одновременно с выпуском экземпляра, на котором оно помещено уже в основном типе. Этот пример свидетельствует о более раннем появлении на анонимных монетах символа в виде полумесяцев, нежели лука.

Существует и другая возможность показать позднейшее происхождение монет с изображением головы в шлеме и горита с луком, имеющих, как правило, лук в качестве добавочного символа на оборотной стороне. Эти монеты имеют надчеканки нескольких видов, среди них горгонейон, шлем (металлический), молния, изредка встречающиеся и на меди с изображением одного шлема. В то же время надчеканки, свойственные этой последней категории монет, никогда не встречаются на упомянутых монетах типа: голова в шлеме, горит.

Следовательно, уже сейчас можно смело говорить об обратной, по отношению к схеме А. Болдуин, последовательности смены монетных типов: 1) роза; 2) шлем; 3) голова в шлеме и горит. Ниже мы рассмотрим характерные особенности монет каждой группы и остановимся на некоторых моментах, позволяющих предполагать последовательность отдельных выпусков внутри этих групп.

Группа А (л. ст.: цветок розы; об. ст.: восьмилучевая звезда, два полумесяца).

Самая малочисленная группа анонимных монет. Известны экземпляры без добавочных изображений (Baldwin, № 43), с монограммой⁸³ (всегда одна, на лицевой стороне, справа или слева от цветка), в одном случае с сокращенной надписью имени — ΑΝΔΡΟ (Прил. II, № 1). А. Болдуин насчитывает три варианта монограммы [1—3] (рис. 2), мы не могли проверить их написания. — возможно, они содержат имя

⁸² Оставляя в стороне методологическую сторону вопроса, отметим лишь, что такое представление о природе надчеканок полностью подрывается фактом наложения одинаковых контрамарок на анонимные монеты разных выпусков (ср. Baldwin, табл. IX, 6; K o l b, № 3; Прил. II, № 1, 9, 16). Вместе с тем, следует признать неудачным предположение П. Кольба (стр. 28) о сирийском происхождении некоторых надчеканок на анонимной меди, поскольку контрамарки такого рода вообще неизвестны на каких-либо иных монетах, кроме анонимных. Однако вывод, сделанный П. Кольбом на этом основании, совпал, как кажется, с истинным положением вещей. По мнению П. Кольба, монеты чеканились не при Митридате VI, а ранее, при Митридате III или Митридате IV.

⁸³ Baldwin, № 44, 45; Minns, табл. IX, 14.

одного лица. По-видимому, наиболее ранние монеты — без добавочных изображений, позднейшие — с именем в надписи, что характерно уже для монет последующей группы. Все монеты группы А — тетраخالки, кроме одного гемихалка (Прил. II, № 2). Надчеканки отсутствуют.

Группа В (л. ст.: кожаный шлем; об. ст.: восьмилучевая звезда, два полумесяца или лук, или оба эти символа одновременно).

Самая многочисленная группа монет, содержащая наибольшее число разновидностей, определяемых как постоянными добавочными элементами типа, так и надчеканками. Эти варианты позволяют дать хронологическую разбивку монет и сделать некоторые наблюдения над общими закономерностями медного анонимного чекана.

Подгруппа В₁ (л. ст.: кожаный шлем влево; об. ст.: восьмилучевая звезда, два полумесяца). Если считать доказанным, что на оборотных сторонах монет символ

Рис. 2. Монограммы на понтийских анонимных монетах

в виде двух полумесяцев предшествовал луку, то выделяемая подгруппа должна считаться самой ранней. За это говорит полная общность ее реверсного типа с медью группы А и монограмма [4], занимающая в типе монет то же место, что и монограммы [1—3] группы А, с которыми она очень близка по написанию. Монограмма [4] не имеет вариантов, она, по-видимому, обязательна для всех тетраخالков⁸⁴, но на монетах меньшего номинала, кажется, отмечена только один раз (Baldwin, № 25). Вместе с тем, для этих монет известны и сокращенные имена: НРА, ПΥΘΕ, ΑΠΟΛΛ (тетраخالки) (Прил. II, № 7—8; Baldwin, № 26) и ΔΣ (дихалк)⁸⁵. Позднейшая из монет, очевидно, с именем ΑΠΟΛΛ, встречающимся на меди подгруппы В₂. На монетах имеется большое число надчеканок, которые могут быть разделены на две категории. Позднейшие из них встречаются редко и одни из них — голова Паана, лук в овальной надчеканке⁸⁶ более характерны для подгруппы В₁, другие — горгонейон, шлем, трезубец (Kolb, № 3; Прил. II, № 9) — для групп В, Г. Более ранние контрамарки, по-видимому, свойственны только подгруппе В₁: в овальной надчеканке лук, под тетивой которого имена: ΑΙΝΕ⁸⁷, ΜΕΓΑ, ΑΠΟΛΛ, ΣΤΕΦΑ (Baldwin, № 32—36; Прил. II, № 11—13; Baldwin, № 27?; Прил. II, № 4—6). Два первых имени известны, видимо, только в надчеканках, третье встречается и в основном типе монет данной подгруппы (Baldwin, № 26) и следующей В₂ (там же, № 28, 29), четвертое — ΣΤΕΦΑ — характерно для еще более поздних монет, подгруппы В₄ (там же, № 37). Отмеченные совпадения имен позволяют принять данную последовательность наложенных надчеканок этого типа. Исключение составляет лишь один вид контрамарок, встречающихся только на оборотных сторонах монет подгруппы В₁ — лук, без имени внизу и не помещенный в углубление⁸⁸.

⁸⁴ Не прослеживается только на экземплярах плохой сохранности. Если судить по описанию и рисунку П. Кольба (Kolb, № 1—2), то опубликованные им монеты также содержат эту монограмму в основном типе.

⁸⁵ Прил. II, № 10.

⁸⁶ Прил. II, № 3, 7, 9. Надчеканки с изображением лука (без имени) в овале неизвестны нам для монет других подгрупп и очень заманчиво объединить их с контрамарками, близкими по сюжету. Но более раннее их происхождение устанавливают монеты (Прил. II, № 3, 9), на которых они перекрыты явно поздними надчеканками.

⁸⁷ Это имя обычно читают ΑΙΝΙ, но на издаваемой монете (Прил. II, № 11) последняя буква явно *эпсилон*.

⁸⁸ По-видимому, к этой категории могут быть отнесены монеты — Baldwin, № 26, 27, 32—36; Прил. II, № 11—13. В отличие от других надчеканок лук здесь не помещен в овальное углубление. Это обстоятельство и сдвиги штемпелей, возможно, не позволяют проследить в некоторых случаях первоначальное изображение полумесяца.

Монеты подгруппы B_1 представлены тетраخالками, реже дихалками (Baldwin, № 22; 25; Прил. II, № 6, 10) и халками (Baldwin, № 23).

Подгруппа B_2 (л. ст.: кожаный шлем влево; об. ст.: восьмилучевая звезда, два полумесяца, лук). Переходная подгруппа монет, реверсний тип которых сочетает в себе два добавочные изображения: новый — лук и старый — полумесяцы. На всех монетах этого рода на обеих сторонах под тетивой лука помещено имя АПОΛΛ (или ΑΠΟΛΛΩ — Baldwin, № 28, 29), другие имена или их монограммы не известны. Из надчеканок отмечена только одна — позднейшая: голова Пана впрямь (там же, № 29). Номинал — только тетраخالки.

Подгруппа B_3 (л. ст.: кожаный шлем влево, лук; об. ст.: восьмилучевая звезда, лук). Также переходная подгруппа, от B_2 отличается отсутствием полумесяца на оборотной стороне и наличием лука не только на оборотной стороне, но и на лицевой. Монограммы, по-видимому, отсутствуют, имена обязательны, известны два: ΑΝΔΡΟ⁸⁹ (под тетивой лука, на обеих сторонах) и ΗΓΗΣΑ (помещено вдоль шлема; Прил. II, № 14). Надчеканки трех видов: голова Пана, горгонейон, шлем (Baldwin, № 31; Прил. II, № 16). Номинал — только тетраخالки.

Подгруппа B_4 (л. ст.: кожаный шлем впрямь, лук; об. ст.: восьмилучевая звезда, лук). Монеты этой подгруппы четко разделяются на три серии.

К наиболее ранней бесспорно следует отнести дихалки с именем ΣΤΕΦΑ (Baldwin, № 37), известным по надчеканкам на монетах подгруппы B_1 (Прил. II, № 4—6) и тетраخالки с именем ΦΙΛΟΚΛΗΣ (ΦΙΛΟΚΛΗ) — там же, № 17, 18). Имена, помещенные на обеих сторонах под тетивой лука, и отсутствие других (кроме лука) добавочных изображений обнаруживают преемственность между ними и медью подгруппы B_2 и B_3 (Baldwin, табл. IX, 16—19; Прил. II, № 15, 16).

Следующая серия представлена монетами с двумя именами: ΣΚΟΠΑ (Baldwin, № 38—41) и неясным именем, заключающим в себе *дельту* (Прил. II, № 19). Для тетраخالков обязательна монограмма [5, 6], помещенная под шлемом, у дихалков (?) и халков (?) она отсутствует (Baldwin, № 41). У последних имя ΣΚΟΠΑ повторено и на лицевой стороне, как и у более ранних монет, под тетивой лука, на оборотной иначе — над луком. У монет старшего номинала имя только на реверсе — между лучами звезды.

В заключительную серию следует, по-видимому, поместить монеты трех номиналов: обол, тетраخالк и дихалк⁹⁰. Каких-либо добавочных изображений, кроме лука на обеих сторонах, нет, исключая монограмму [7] на оболе. Если не считать трех поздних надчеканок на оболе (горгонейон, шлем, молния), то на монетах подгруппы B_4 встречаются контрамарки только одного вида: голова Пана впрямь (Baldwin, № 38—40; Прил. II, 18, 19).

Подгруппа B_5 (л. ст.: кожаный шлем впрямь, под ним голова Пана впрямь, лук, монограмма; об. ст.: восьмилучевая звезда, лук). Немногочисленная подгруппа монет, представленная одной серией тетраخالков. Обязательной особенностью этих монет служит погрудное изображение Пана впрямь, знакомое нам уже по надчеканкам, и монограмма в основном типе лицевой стороны [8, 9] (Baldwin, № 42). Подобная монограмма присутствует на оболе подгруппы B_4 и многих монет группы B . Помимо монограмм на очень редких, видимо, самых ранних монетах подгруппы B_5 , встречаются имена: ΑΡΤΕ, ΗΡΑ⁹¹. Какие-либо надчеканки неизвестны.

сяцев. Все это не делает безусловно доказанным невозможность отнесения перечисленных монет к подгруппе B_1 . Но в тех случаях, когда состояние монет позволяет это видеть (например, Baldwin, табл. X, 4, 5; Прил. II, № 11—13), лук явно нарушает общую композицию типа, что указывает на надчеканку, но не на основной элемент типа.

⁸⁹ Baldwin, № 30, 31; Прил. II, № 15, 16. Это имя отмечено и для группы A (Прил. II, № 1).

⁹⁰ Baldwin, № 19, 20; Прил. II, № 20. Мы до конца не убеждены в принадлежности тетраخالка к данной подгруппе.

⁹¹ Прил. II, № 21, 22. Первое имя отмечено и для подгруппы B_1 (Прил. II, № 7).

Группы *B* и *Г*. Переходя к рассмотрению монет этих групп, следует заметить, что каждая из них практически представлена только одним номиналом: группа *B* — л. ст.: голова в кожаном шлеме влево; об. ст.: звезда, лук (оболы); группа *Г* — л. ст.: горит; об. ст.: звезда, лук (тетрахалки). Данное обстоятельство и наличие на этих монетах однородных надчеканок позволяет присоединиться к мнению А. Болдуин и П. Кольба об одновременности монет обеих групп. Но если исходить из анализа надчеканок, то окажется, что монеты младшего номинала (гр. *Г*) начали чеканиться несколько позже, чем оболочки (гр. *B*). Действительно, для оболочек характерны следующие надчеканки: горгонейон, шлем, молния; для тетрахалков: шлем, трезубец. Наложение контрамарок в обоих случаях, бесспорно, производилось в указанном порядке. Надчеканки с шлемом накладывались, конечно, одновременно на монеты обеих групп, надчеканки молния и трезубец, предназначавшиеся для монет разных номиналов, также одновременны, но горгонейон, известный на оболочках и изредка встречающийся на более ранних тетрахалках, никогда не появляется на меди группы *Г*, наиболее ранняя надчеканка которых — шлем. Из всего этого можно заключить, что тетрахалки группы *Г* начали выпускаться после наложения надчеканок с горгонейоном на оболочки группы *B*. Подтверждением относительно раннего происхождения оболочек может служить присутствующая на некоторых из них монограмма [9], общая для тетрахалков подгруппы *B*₅ [8—9] и уникального оболочка из копенгагенского собрания подгруппы *B*₄ [7]. Принимая как очевидное принадлежность этой монограммы и ее вариантов [7—9] одному лицу, нужно думать, что тетрахалки подгруппы *B*₅ служили фракциями сначала по отношению оболочек подгруппы *B*₄, а затем к первым эмиссиям оболочек группы *B*. Иными словами, все эти монеты практически одновременны. Параллельный чекан меди групп *B* и *Г* начался спустя некоторое время после прекращения эмиссий подгруппы *B*₅.

Переходя к формальной характеристике меди групп *B* и *Г*, отметим сразу же, что по числу известных экземпляров они примерно равны и каждая из них лишь немногим уступает группе *B* со всеми ее разновидностями.

Группа *B*, как уже отмечалось, представлена исключительно однотипными оболочками. На их оборотных сторонах почти всегда присутствуют добавочные изображения. В подавляющем большинстве случаев это монограммы, чаще одна, но иногда две и даже три на одном экземпляре. Монограммы и явная стилистическая деградация типа оболочек могли бы послужить базой для дальнейшей классификации монет. Но отсутствие достаточного материала, не позволяющее нам не только сделать необходимое для этого сопоставление штемпелей монет, но даже выявить все виды монограмм на оболочках, заставляет отказаться от работы такого рода в данной связи. Вместе с тем, следует отметить, что если ход нашего рассуждения верен, то наиболее ранними из монет группы *B* должны оказаться те экземпляры, которые несут на себе монограмму [9] — общую для некоторых монет подгруппы *B*₄ и *B*₅. Большинство оболочек группы [9] — оболочки, их сюжет и последовательность наложения рассмотрены выше. *B* имеет надчеканки, их сюжет и последовательность наложения рассмотрены выше.

Монеты группы *Г* представлены почти исключительно тетрахалками, кроме двух экземпляров, которые, очевидно, следует рассматривать как дихалк (Прил. II, № 29) и халк (Baldwin, № 17). Все они лишены монограмм или иных добавочных изображений, за исключением одного тетрахалка (Прил. II, № 26), на оборотной стороне которого под тетивой лука помещено сокращенное имя — АФРО.

Несложный тип и классификации монет группы *Г* — группировка их по штемпелям, что не отвечает основной теме данной работы.

В дополнение к уже сказанному о надчеканках на монетах группы *Г* отметим лишь один момент — контрамарки с трезубцем чаще всего помещены в прямоугольное углубление (см., например, Baldwin, табл. IX, 3—5; Прил. II, № 27, 28), но нередко это углубление бывает и круглым (Baldwin, табл. IX, 1, 2; Прил. II, № 26).

Изолированное рассмотрение монет каждой из разновидностей не позволило достаточно подробно остановиться на надчеканках. Здесь мы попытаемся наметить относительную хронологию каждого вида контрамарок и сделать на этом основании не-

которые наблюдения общего порядка. Ниже приведена табличка, из которой явствует наличие надчеканок (+) или их отсутствие (—) на монетах каждой из группы.

Надчеканки	Группа							
	А	Б					В	Г
		1	2	3	4	5		
Лук и имя (в овале) (1)	—	+	—	—	—	—	—	—
Лук (не в углублении) (2)	—	+	—?	—	—	—	—	—
Голова Пана (3)	—	+	+	+	+	—	—	—
Лук (без имени, в овале) (4)	—	+	—	—	—	—	—	—
Горгонейон (5)	—	+	—	+	+	—	+	—
Шлем (6)	—	+	—	+	+	—	+	+
Молния (7)	—	—	—	—	+	—	+	—
Трезубец (8)	—	+	—	—	—	—	—	+

Если игнорировать классификацию монет и поставить вопрос, насколько намеченная в приведенной таблице последовательность наложения контрамарок подтверждается анализом самих надчеканок, то можно прийти к следующим выводам. Среди материалов, использованных в работе А. Болдуин и настоящей статье, обнаруживается ряд монет с несколькими надчеканками, перекрывающими друг друга:

- лук в овале (4) — Пан (3) (Прил. II, № 3, 9);
- горгонейон (5) — лук в овале (4) (Прил. II, № 9);
- шлем (6) — горгонейон (5) (Прил. II, № 16);
- трезубец (8) — шлем (6) (Прил. II, № 27);
- молния (7) — шлем (6) (Baldwin, табл. VIII, 3).

Эти материалы со всей очевидностью показывают, что последовательность всех, кроме двух первых, надчеканок устанавливается совершенно точно. Что касается контрамарок, составляющих в данном случае исключение (1—2), то их сравнительная многочисленность (особенно — 4), аналогии, которые они обнаруживают в основном типе некоторых монет, и принадлежность этих надчеканок только монетам одной подгруппы (B_1), не оставляет сомнения в их более раннем, сравнительно с другими контрамарками, происхождении.

Переходя к каждому виду надчеканок, следует подробнее рассмотреть именно первые два вида (1—2). Эти надчеканки, встречающиеся только на монетах подгруппы B_1 , повторяют элементы основного типа оборотных сторон меди подгрупп $B_2—B_4$. Более того, имена в контрамарках (АПОΛΛ, ΣΤΕΦΑ) повторяются в подгруппах B_2 и B_4 . Поэтому надчеканки (1—2) налагались на монеты подгруппы B_1 , очевидно, одновременно с выпуском монет подгрупп $B_2—B_4$ или, во всяком случае, не позже, чем была отчеканена медь подгруппы B_4 . Заслуживает быть специально отмеченным тот факт, что эти контрамарки (во всяком случае, 1) никогда не встречаются на меди $B_2—B_4$. Хотя имена ΑΙΝΕ и ΜΕΓΑ известны только по надчеканкам, следует отказаться от предположения, что операция по надчеканиванию была определена лишь санкционированием новым магистратом обращения старой монеты. Этому противоречило бы контрамаркирование новым магистратом исключительного монет подгруппы B_1 . Все это заставляет думать, что при помощи надчеканок 1—2 тип меди B_1 ⁹² изменялся согласно новому стандарту, характерной особенностью которого следует считать изображение лука и имени на лицевой стороне⁹³ и того же лука в качестве обязательного и единст-

⁹² Надчеканки 1—2, как впрочем и любого другого вида, не встречаются на меди группы А. Это легче всего объяснить редкостью монет, но, возможно, здесь следует предположить изъятие из обращения ранних монет, тип которых был столь отличен.

⁹³ Кроме редких случаев (например Прил. II, № 5), когда одинаковые надчеканки помещались на обеих сторонах монеты. Здесь, естественно, необходимости в контрамарках (2) не было.

венного символа, сопровождающего изображение звезды на оборотной стороне. Сказанное указывает на то большое значение, которое придавалось замене старых символов (полумесяцы) новым (лук).

Относительная датировка следующего вида контрамарок (3), по-видимому, не может быть определена иначе, как время выпуска монет подгруппы B_5 , поскольку на последних всегда присутствует фасовое изображение Пана, повторенное в надчеканках (3). Так как эти контрамарки встречаются на всех разновидностях тетраخالков группы B , предшествующих B_5 , то можно думать, надчеканки подтверждали возможность параллельного обращения монет разных эмиссий и B_5 .

О надчеканках с изображением лука в овальном углублении (4) достаточно определенно можно сказать, к сожалению, только одно — они накладывались ранее контрамарок с горгонейоном (5) и позже, чем с изображением Пана (3), что, как уже указывалось, устанавливается по монетам с несколькими перекрывающимися друг друга надчеканками. Однако то, что надчеканки 4 известны только на меди подгруппы B_1 и не встречаются на монетах с надчеканками 1—2, допускает возможность подозревать, что в тип старых монет (B_1 , два полумесяца на реверсе) и в более позднее время продолжал вводиться новый элемент — лук.

Надчеканки с изображением горгонейона (5) в основном встречаются на позднейших ободах (гр. B). Но наличие этих контрамарок на некоторых тетраخالках группы B (B_1 — B_4) и в то же время их отсутствие на тетраخالках группы Γ дает право думать, что эти контрамарки объединяли в обращении поздние ободы (гр. B) и более ранние тетраخالки. С новым выпуском тетраخالков (гр. Γ) надчеканками с изображением шлема (6) и были объединены оба вида новых монет (гр. B , Γ) и некоторые старые (B_1 , B_3 , B_4), удержавшиеся на рынке. Что касается позднейших контрамарок (7, 8), каждая из которых присуща только одному номиналу, то они, возможно, являются свидетельством проверки монет после освобождения обращения от меди старых выпусков. На такую мысль наталкивает практически полное отсутствие таких надчеканок на других видах анонимной меди⁹⁴.

Таковы те соображения, которые можно высказать по поводу надчеканок. Имея в виду природу данных памятников и необычный характер чекана монет, на которых они помещены, эти наблюдения представляются наиболее вероятными из возможных, но отнюдь не безусловными.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

ОПИСАНИЕ МОНЕТ⁹⁵ (ТАБЛИЦЫ I—II)

Группа А.

1. Л. ст.: над цветком розы АΝΔΡΟ (перевернута по отношению к изображению розы); об. ст.: обычная. Тетраخالк; 5,65 г. Не издана; единственный для монет группы А случай передачи имени в надписи.

2. Л. ст. и об. ст. обычные. Гемихалк; 0,99 г. Не издана; единственный случай для монет группы А употребления иного номинала, чем тетраخالк; возможно, единственный для всей анонимной меди случай употребления столь мелкого номинала.

Группа В.

Подгруппа B_1

3. Л. ст.: справа от шлема монограмма [4]; две надчеканки: голова Пана и лук, вторая перекрывает первую; об. ст. обычная, изображения полумесяцев не сохранились. Тетраخالк; 5,42 г. Неизвестное сочетание надчеканок.

⁹⁴ Примечательно отсутствие этих и каких-либо иных надчеканок на меди B_5 . Если общность монограмм на них и некоторых ободах группы B предполагает практическую одновременность их выпуска, то отсутствие надчеканок на B_5 может быть объяснено только изъятием из обращения этих тетраخالков. Но позднейшие надчеканки на меди B_1 , B_3 , B_4 , предполагающие параллельное обращение разновременных монет, подрывают объяснение такого рода.

⁹⁵ Все публикуемые монеты (кроме 29 — ГМИИ) — из собрания Эрмитажа. Пользуемся случаем принести его сотрудникам нашу признательность за предоставление материала для настоящей статьи.

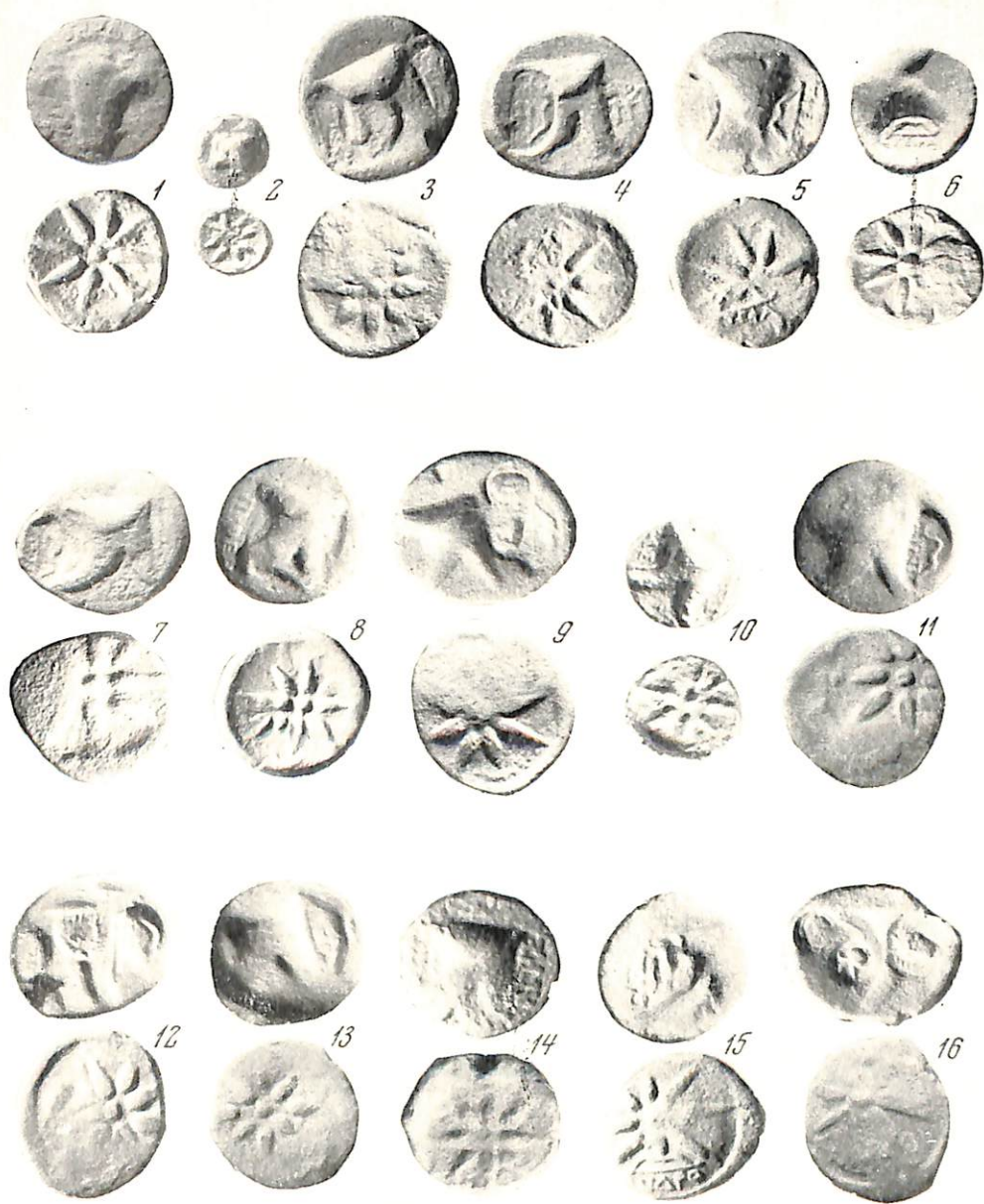

Рис. 3. Таблица I

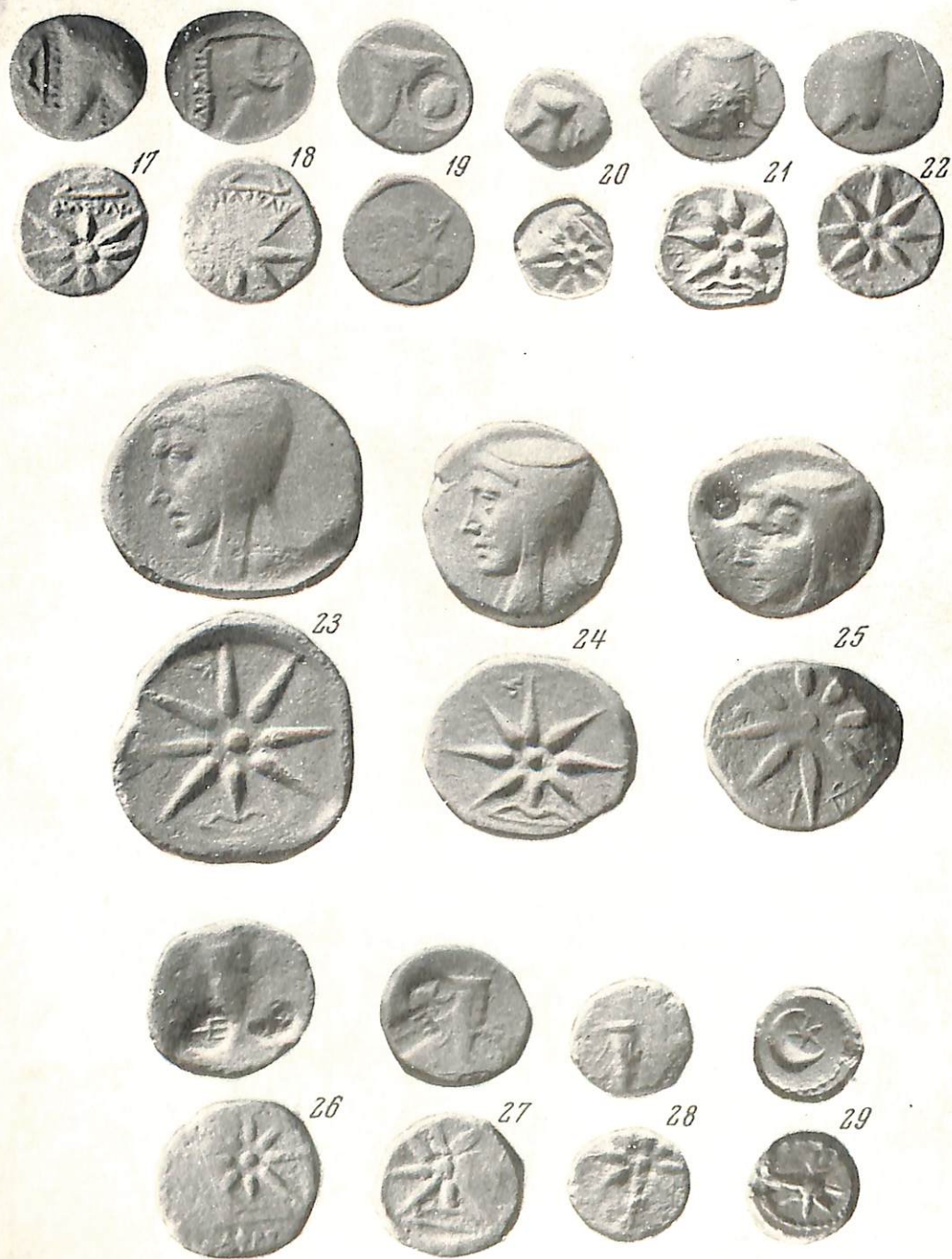

Рис. 4. Таблица II

4. Л. ст.: справа от шлема монограмма [4]; надчеканка: лук, под тетивой СТЕФА; об. ст. обычная. Тетрахалк; 5,75 г. Неизвестное для надчеканок имя.

5. Л. ст.: надчеканка: лук, под тетивой СТЕФА, очевидно, перекрывает монограмму; об. ст.: надчеканка, как на л. ст. Тетрахалк; 4,61 г. См. примечание к 4.

6. Л. ст.: надчеканка: лук, под тетивой СТЕФА; монограмма отсутствует или не сохранилась; об. ст. обычная. Дихалк; 2,59 г. См. примечание к 4.

7. Л. ст.: справа от шлема монограмма [4], под ним НРА; надчеканка: лук; об. ст. обычная. Тетрахалк; 5,72 г. Не издана; неизвестное имя, необычная манера его помещения.

8. Л. ст.: слева вдоль шлема ПΥΘΕ; об. ст. обычная. Тетрахалк; 6,85 г. Не издана; необычное имя.

9. Л. ст.: три надчеканки: голова Пана, лук, горгонейон, две последние последовательно перекрывают первую; надчеканки, возможно, перекрывают монограмму; об. ст. обычная. Тетрахалк; 5,55 г. Неизвестное сочетание надчеканок.

10. Л. ст.: слева от шлема ΔΣ; об. ст. обычная. Дихалк или халк; 1,97 г. Не издана; неизвестное имя.

Подгруппа B₁? (добавочные изображения об. ст. неясны).

11. Л. ст.: надчеканка: лук, под тетивой ΑΙΝΕ, возможно перекрывает монограмму; об. ст.: надчеканка (?): лук. Перечеканена. Тетрахалк; 6,63 г. Монета позволяет уточнить чтение имени.

12. Л. ст.: две надчеканки: лук, под тетивой ΑΙΝ[Ε], голова Пана, возможно перекрывает монограмму; об. ст.: надчеканка (?): лук. Тетрахалк; 5,69 г. Неизвестное сочетание надчеканок.

13. Л. ст.: надчеканка: лук, под тетивой ΜΕΓΑ, возможно перекрывает монограмму; об. ст.: надчеканка (?): лук. Тетрахалк; 4,56 г. Не издана; неизвестное имя.

Подгруппа B₂

14. Л. ст.: справа вдоль шлема ΗΓΗΣΑ, изображение лука отсутствует или не сохранилось; об. ст. обычная. Тетрахалк; 3,76 г. Не издана; неизвестное имя.

15. Л. ст.: под тетивой лука ΑΝΔΡΟ; об. ст.: по тетивой лука ΑΝΔΡΟ. Тетрахалк; 5,04 г. Baldwin, № 30, 31. Публикуемый экземпляр лучшей сохранности.

16. Л. ст.: как 15 (?), три надчеканки: голова Пана, горгонейон, шлем; об. ст.: как 15. Тетрахалк; 4,17 г. Неизвестное сочетание надчеканок.

Подгруппа B₄

17. Л. ст.: под тетивой лука ΦΙΛΟΚΛΗΣ; об. ст.: под тетивой лука ΦΙΛΟΚΛΗ. Тетрахалк; 5,40 г. Не издана; неизвестное имя.

18. Л. ст.: как 17; надчеканка: голова Пана; об. ст.: как 17. Тетрахалк; 5,43 г. См. примечание к 17.

19. Л. ст.: под шлемом монограмма [5], надчеканка: голова Пана; об. ст.: между лучами звезды Δ от несохранившейся надписи. Тетрахалк; 3,53 г. Не издана; неизвестное имя.

20. Л. ст. обычная (без надписей); об. ст. обычная (без надписей). Дихалк; 2,25 г. Не издана.

Подгруппа B₅

21. Л. ст. обычная; об. ст.: слева между лучами звезды ΑΡ-ΤΕ. Тетрахалк; 5,22 г. Не издана; надписи на монетах этой разновидности известны не были.

22. Л. ст. обычная; об. ст.: сверху между лучами звезды Η-ΡΑ (надпись перевернута по отношению к шлему). Тетрахалк; 3,83 г. Не издана; см. примечание к 21.

Группа В

23. Л. ст. обычная; об. ст. обычная, монограмма [9]. Обол; 20, 25 г. Например, Baldwin, табл. VII, 2, 4. Публикуемый экземпляр лучшей сохранности.

24. Л. ст. и об. ст.: как 23. Обол; 20,51 г. См. примечание к 23.

25. Л. ст. обычная; об. ст.: между лучами звезды ΣΙ и монограмма [10]; две надчеканки: горгонейон, шлем. Обол; 20,72 г. Например, Baldwin, № 12; издаваемый экземпляр исправляет ошибочное чтение надписей, повторенное А. Болдуин вслед за Х. Х. Гилем и Ф. Имхоф-Блумером.

Группа Г

26. Л. ст. обычная; две надчеканки: шлем, трезубец в круглом углублении; об. ст.: под тетивой лука АФРО. Тетрахалк; 9,78 г. Не издана; единственный известный случай помещения надписей на монетах гр. Г.

27. Л. ст. обычная; две надчеканки: шлем, трезубец в прямоугольном углублении, первую перекрывает вторая; об. ст. обычная. Тетрахалк; 10,77 г. Например, Baldwin, № 18.

28. Л. ст. обычная; об. ст. обычная, изображение лука не сохранилось. Дихалк (?); 3,75 г. Не издана; по-видимому, единственный случай для монет гр. Г употребления такого номинала.

* * *

29. Л. ст.: шестилучевая звезда, полумесяц, точечный ободок; об. ст.: комета (шестилучевая звезда) с хвостом, точечный ободок. 2,68 г. Не издана (?).

К. В. Голенко

ANONYMOUS PONTIC COPPER

by C. V. Golenko

The author discusses copper coinage with a leather helmet, less often a helmeted head or a rose, depicted on the obverse and a star and half-moon or bow on the reverse (Baldwin, *RN*, 1913). According to the most widely accepted view, these coins were struck by the governors of Mithridates VI Ponticus in Pontus, Colchis or Bosporus. The author tries to justify a somewhat different opinion about this anonymous copper: that it was struck in Pontus under the predecessors of Mithridates VI. He cites several factors which favour this view, for example: the absence of anonymous coinage in hoards (both Pontic and Bosporan) of Mithridates's time, the abundance of city copper during the reign of this king, the absence in this latter coinage of the countermarks which are characteristic of the anonymous copper coinage, the greater weight of the anonymous coins, and the differing metallic composition of the anonymous and city issues.

The absence of the name of city or king from the anonymous copper types may be explained by the fact that, like the Achaemenids, the kings of Pontus (down to Mithridates VI) held exclusive mintage rights. Indeed if one leave out of account rare issues of doubtful date, before the time of Mithridates VI the royal coinage was issued only for special occasions and very rarely. The exception proves the rule. In the late silver issues of Amisus, which the author associates with the time when this city became part of the Pontic kingdom, the name of the city is absent, i. e. this coinage is in effect anonymous. In the reign of Mithridates VI, when city copper was abundantly struck, some cities also lost the formal right to mint, while in fact they continued to do so. The examples are coins of Bosporus, Chersonesus and Olbia, which bear no inscriptions containing the names of the cities.

By analysing the countermarks the author arrives at a new chronological classification of the anonymous Pontic coinage, nearly the reverse of the classification adopted by Baldwin. In Appendix II are published several rare coins of this type from the Hermitage collection.

ПУБЛИКАЦИИ

«БЛАГОСКЛОННО ВНЕМЛЮЩИЙ ГЕРОЙ» В ОЛЬВИИ

В сборнике «Надписи Ольвии» (1917—1965), вышедшем под редакцией Т. Н. Книпович и Е. И. Леви, опубликованы два неравноценных, но исключительно важных для истории местных культов памятника — № 72 и № 74. В посвяtitельной надписи № 72 читается 'Ἡρώεπιχρόφ, т. е. «Благосклонно внимающему Герою», а в № 74 — просто 'Επιχρόφ, т. е. «Благосклонно внимающему»¹. В обоих случаях мы имеем дело с перифрастическими обозначениями, употребленными вместо монолексических собственных имен центральной фигуры культа.

Эпитет ἐπιχρόος часто встречается в качестве эпитета ряда божеств в эпиграфических памятниках античного мира вообще и в частности на фракийских территориях Западного Причерноморья.

В соответствии с основными значениями глагола ἐπιχρόω именная форма ἐπιχρόος (чаще в сочетании с род. пад. и реже с дат. пад.) могла обозначать: 1) слушающий; 2) слышащий; 3) благосклонно выслушивающий, внимающий и исполняющий молитву, мольбу, просьбу; 4) слушающий, послушный, покорный; 5) понимающий².

Следует отметить именно культовое значение этого эпитета, который, субстантивнуясь, превращается в эпikleзу божеств (Liddell and Scott: «absolutely listening to prayer, of gods»). Как эпитет «благосклонно внимающий» чаще всего, очевидно, связывался с именами Асклепия и Артемиды (ссылки на памятники в упомянутом выше слове).

Обширный материал относительно употребления интересующего нас эпитета можно найти в собрании греческих надписей, найденных на территории Болгарии и изданных Георгием Михайловым³. Едва ли можно считать простой случайностью то обстоятельство, что именно на древней фракийской территории было обнаружено такое значительное число памятников с посвящениями «благосклонно внимающим» богам и героям. Однако, кроме собственных имен, нам слишком мало известно о религии и мифологии древних фракийцев (так же, как и дако-мисийцев) для того, чтобы мы сколько-нибудь удовлетворительно могли объяснить этот факт. На эпиграфических памятниках указанной территории эпитет ἐπιχρόος (в ед. и множ. ч.) сочетается с именами

¹ В отличие от издателей мы полагаем, что оба описательные названия надо транслитерировать с начальными прописными буквами.

² Ср. «Древнегреческо-русский словарь», сост. И. Х. Дворецкий, под ред. С. И. Соболевского, т. I, А — Л, М., 1958, стр. 507 сл., s. v.: A Greek-English Lexicon compiled by H. G. Liddell and R. Scott, v. I, α — ωωψ, Oxf. (repr. 1948), стр. 620, sub verbo.

³ IGB, I—IV, 1956—1966. Series epigraphica, № 2, 5, 6, 7, 9.